

Владимир
**ТОК
МАК
ОВ**

Ангел,
сворачивающий небо,
вдруг оглянулся

Владимир ТОКМАКОВ
родился в 1968 году в Барнауле.
В 1986–88 гг. служил в советской
войска на о. Кузнецов.
Был редактором в газете

«Барнаулчанка» и в газете
«Барнаулчанка» на Тихом океане.

В 2004 г. окончил факультет
филологии и журналистики
Алтайского государственного
университета.

Автор семи поэтических сборников
«Ангелы держат за шивороты одежды»

(1995), «Двойной дуб» (1997),

«Падение на вершине позавчера»

(1999), «Маленькая девочка» (1999),

«Без значения слова» (2000), «Волчий

справок» (2006), «Пыль во дворе» (2007),

и еще романа

Печатался в журналах, в альманахе

«Топ-20 лучших поэтов России»

(США, Нью-Йорк, 2010–11).

Член Союза журналистов России,
Союза российских писателей,
Русского PEN-центра.

Автор и ведущий программы

на телеканале «Культура 24».

Вот это чувство вам знакомо – что-то кроме вас не поднимает бунт на корабле?
А ведь Санта поднимает на корабле-спиральном, в подвешенном состоянии кончик,
слабым телом, на сильных руках... Искусство среднее преступление. В нем есть
такая же преступность.

«Двойной дуб» прозаического текста

Владимир ТОКМАКОВ

АНГЕЛ, СВОРАЧИВАЮЩИЙ НЕБО, ВДУРУГ ОГЛЯНУЛСЯ

ВЛАДИМИР

ТОК МАК ОВ

АНГЕЛ,
СВОРАЧИВАЮЩИЙ
НЕБО,
ВДРУГ ОГЛЯНУЛСЯ

Избранные
стихотворения

18 +

**ВЛАДИМИР
ТОКМАКОВ**

**Ангел,
сворачивающий
небо,
вдруг оглянулся**

**Избранные
стихотворения**

Барнаул 2022

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Т-515

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей.*

Токмаков, В.Н.

Т-515 Ангел, сворачивающий небо, вдруг оглянулся. Избранные стихотворения / В.Н. Токмаков. – Барнаул, 2022. – 176 с., илл.
ISBN 978-5-6048537-6-4

В «Избранное» известного алтайского поэта Владимира Токмакова «Ангел, сворачивающий небо, вдруг оглянулся» вошли лучшие стихи, написанные почти за четыре десятилетия. Это искренний и честный взгляд на себя и «эпоху перемен», в которую нам всем довелось жить. В книгу также включён «Дневник провинциального поэта».

*В оформлении книги
использована графика
Александра Карпова.*

ISBN 978-5-6048537-6-4

© Токмаков В.Н., 2022
© Карпов А.А., оформление, 2022

НАД ПРОПАСТЬЮ С БЕРЁЗОВЫМ СОКОМ В РУКЕ

Импровизация на заданную тему

Когда-то с юношеским максимализмом я сформулировал для себя творческое кредо: «Из десяти написанных стихотворений – оставлять одно, из десяти оставленных – публиковать одно». Стараюсь так и поступать.

Можно даже сказать, что стихи я пишу только по вдохновению – слава богу, нет необходимости «гнать строку». Поэтому их у меня не так много.

Авторы любят рассказывать о своих первых стихах. А я расскажу о последнем. Последнее мной написанное стихотворение на сегодня – «Рядовых хоронят скромно...». Я написал его в марте 2022, и с тех пор как-то не пишется... Потому что смерть любого человека – это гибель целой вселенной, разрушенной мгновенно и необратимо. Мы рождаемся для счастья, а потом матери хоронят свои погибших в «горячих точках» сыновей. У меня есть стихи о Великой Отечественной, я пытался осознать трагедию Афгана и Чечни, а теперь вот ещё и «специальной военной операции на Украине». Много, слишком много войн и «специальных операций» для одной жизни...

В этой книге собраны, на мой взгляд, наиболее интересные стихотворения, написанные за тридцать шесть лет. Многие из них – со своей историей. Например «Мой прадед вернулся в 1918 году...» и «Колобок», опубликованные в журнале «Наш современник», похвалил последний масштабный русский поэт Юрий Кузнецов. (Помните? «Я пил из черепа отца \ За правду на земле»). Или стихи из сборника «Боязнь темноты» («Провокация», «Мне снилось, что я стал кинотеатром...», «Маньяк уснул...», «Она летает по небу голая...»). Сборник этот – литературная мистификация, осуществлённая совместно с другом-соратником, художником и поэтом Александром Карповым. Мы придумали поэта «Р. К.», с трагической судьбой, душераздирающей любовной историей, стихи и дневник которого якобы попал к нам в руки. Тысячи людей поверили в этот миф, о нём рассказывали в газетах и на ТВ, появились рецензии, в том числе в «Новом мире». Или, например, стихотворение «Я спал на Бунине...», вызвавшее бурю негодования после публикации его на страницах газеты «Вечерний Барнаул» в 1993 году.

Я включил в сборник стихи, пользовавшиеся большой популярностью на литературных вечерах, такие как «Несчастливая любовь Лёхи Барабанова», «Редкий Гоголь доплывёт до середины Оби...», «От меня до небес – расстояние в целого Бога...», «Больница для психов в Москве, на Полянке...», «Сеня – деревенский дурачок...» и т.д. Думаю, встреча с ними

напомнит о той, ушедшей эпохе «перестройки» и «лихих 90-х», полных залов любителей поэзии, дискуссий на страницах СМИ о путях литературы, эпохе, совпавшей с нашей молодостью.

Я всегда считал, что без новизны нет настоящего творчества, и что писатель должен хотя бы на одну запятую продвинуться дальше всей литературы. Есть поэты-разведчики, осваивающие для нас новые пространства, которые мы потом заселяем своими стихами. Таким был поэт Велимир Хлебников, поэзию которого я очень люблю, такими были поэты-авангардисты всех времён и народов. У настоящего поэта должно быть хорошо развито чувство формы, когда понимаешь, что эту тему лучше воплотить регулярным стихом, а эту – свободным. Поэт должен владеть и твёрдыми поэтическими формами, такими как, например, сонет. А уж получится он «деревянным» или живым – это вопрос мастерства, владения так сказать профессиональным инструментарием.

Мы пишем стихи, а стихи пишут нас, поэтические строки и есть наиболее верная биография поэта. В наше время поэтов, писателей стало больше чем читателей, и вот уже не читатели стоят в очереди за книгой, а книги выстроились в очередь за читателем.

«Не прочитайте мимо!» – так я иногда подписываю свои книжки. Автору всегда хочется быть прочитанным, понятным, оценённым – и, желательно, при жизни. Но увы, слава – это поезд, который всегда опаздывает, хотя идёт точно по расписанию...

Владимир ТОКМАКОВ.

ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН

Птица летит низко-низко,
Бьёт крылом по плечу.
Она из расстрельного списка,
Я на ней полечу.

Страх – это мрак подземелья,
С тихим убийцей внутри.
Это не сказки Коэльо,
и не на водку пари.

Как нам сбежать отсюда?
Только с дыркой в башке?
После всемирного блуда
Рухнем в ад налегке.

Кто там стоит за дверью,
дышит тяжело в платок?
Если прикинуться зверем,
Если глядеть на Восток...

Что ж так тоска закипает,
Горе греет стилет?
Снег он ведь скоро растает?
Или теперь уже нет?

Этот конверт для Бога,
Сдохни, но донеси.
Люди судить будут строго,
не вздумай пощады просить.

Лети на израненной птице,
В счастливые времена.
Главное – не разбиться,
Когда исчезнет она...

*Бойцам, погибшим во время
военной спецоперации на Украине*

Рядовых хоронят скромно.
Небогатые венки,
выставлены возле дома.
Деревенька у реки.

Гроб закрытый. «Там ли Саша?
Он ли там?!» – Жена, родня.
Кто-то в хмуром небе машет...
«Вы не видите меня?!»

«Подпол» из военкомата
курит с братом и отцом.
Что он скажет? Что богата
Русь и цинком, и свинцом?

Мать в больнице, сердце стало,
как узнала. Жизнь – одна.
Сыновья живут так мало,
Там, где каждый день – война...

Два «афганца» постаревших
Помогают – опыт есть,
ветераны войн «чеченских»
Тоже рядом, тоже здесь...

Всем моя страна богата,
И героями – поверь...
«Не пройдут солдаты НАТО!..»
В землю – гроб, на клюшку – дверь...

31 марта 2022

Андрею Неганову

Когда я думаю о вечном,
Я знаю точно, наперёд:
Ночной порой, в трамвае встречном,
Лицо знакомое мелькнёт.

Я вскину брови удивлённо,
Но мой вагон уже прошёл:
С кем там двойник мой законный?
И что за ревности укол?

Куда он едет, что достигнет,
Удачливый и молодой,
Какая страсть его настигнет?
Та, что случилась не со мной?

Быть может он там настоящий,
А я как тень его живу?
И если вдруг проснётся спящий,
То я исчезну наяву?!

Летит трамвай пустым проспектом,
и я уже не знаю сам,
Следит ли кто-то за объектом,
Когда он плачет по ночам...

ВНИЗ ПО ПРОСПЕКТУ

Какие красивые девушки с ними,
Какие умные юноши с нами!
Вниз по проспекту мы шли молодыми,
А возвращаемся – стариками...

Здесь посидим за кружечкой пива,
там выпьем чашку травного чая, –
В небо посмотрим мудро, лениво,
Жизнь как матрас, она, сука, такая.

Если ты молод – счастье возможно,
если старик – подводи итоги,
пусть говорят, наши ценности ложны,
мы ошибаемся, мы не боги.

Вдаль убегая, река мелеет,
Редким становится бор нагорный, –
Что приуныли? Гляди веселее!
Мы здесь ведущие с вами актёры!

Сказка о рыбке, разбитом корыте –
Это покруче Фауста Гёте.
Тема бессмертия тоже закрыта –
Выпито меньше, чем было пролито –
Здравствуйте дяди, я ваша тётя!

Какие красивые девушки с нами,
Какие умные юноши с ними!
Вниз по проспекту мы шли стариками,
А возвращаемся – молодыми!

ЛИТУРГИЯ ОГЛАШЕННЫХ

Прячет речка озябшие воды
в рукава свои. Здесь тишина
заросла толстым слоем природы,
и деревья – древесные оды –
заучила на память весна.

Я иду по забытой тропинке
царства вымерших добрых зверей.
А у солнца – период линьки,
и валяются половинки
отвалившихся старых лучей.

Я пришёл в этот лес раствориться,
слиться с ним, позабыть, кто я есть,
чистой влаги забвенья напиться, –
чтобы в небе увидеть лица –
и услышать благую весть!

Тот, кто хочет быть найденным, должен
потеряться как можно скорей.
Пусть мне в этом природа поможет, –
отыщи меня, истинный Боже! –
я хочу быть находкой твоей.

ЧУЖАК

Сергею Зюзину

Ветер рвал железо,
Звёзды сыпал вниз...
Он скрипел протезом,
Мудрый старый лис.

Кто он и откуда
В городок пришёл?
Тот, кто верит в чудо –
Форменный осёл.

Днём стругал игрушки,
Детям раздавал.
А одной старушке
Вычистил подвал.

«Фронтовик он вроде», –
Тётка говорит...
Одиноко бродит
Старый инвалид.

Сколько битв бесславных,
И смертей чужих...
Каин, брат твой Авель,
Тоже среди них?

Всё скрипит протезом,
Кепкой лоб прикрыв.
Мысли давят прессом...
Как ещё он жив?!

Что ему дорога,
И бессонниц ад?
Он спросил бы Бога.
Бог умер, говорят.

Счастливые, лежим на солнцепёке,
На пляже крики, визги, плеск воды,
Ещё не скоро – ссоры и упрёки,
ещё мы молоды – и помыслы чисты.

Там, в небесах, ещё не видно краю,
И хочется мне этот мир обнять –
Как я тебя так крепко обнимаю,
И так страшусь однажды потерять.

Но вышло, что – *однажды* – очень близко...
Тот день, что провели мы на реке,
Потом, купив вина и пару дисков –
Продлили у меня на чердаке,

В мансарде, что снимал я жарким летом
У старой женщины, скупой, полуглухой...
Ты для меня была дождём и светом,
Но я хотел, чтоб стала мне судьбой.

Потом был город, обещанье встречи –
Нет времени на дружбу и любовь...
Мы думали – пустяк, ещё не вечер,
Мы наверстаем, повторится вновь!

...Прошли года, река ещё на месте,
Я был там этим летом, дом стоит,
Хозяйка – умерла, я в старом кресле –
Другая парочка на солнышке лежит...

Пахнет скошенной травой
В центре города в июле...
Загорелый, молодой,
Вот он я – сижу на стуле,

Замечтался, а сквозняк
Перелистывает книгу –
Знаменитейший босяк
В ней плетёт свою интригу!

Сеном пахнет день. Газон
Возле дома дворник косит.
Жизнь, похожая на сон...
Детство... Дальше – будет осень...

Александр Карпову

Кузнечик прыгает в окно –
Он ест лишь из моей тарелки.
Мы с ним играем в домино –
Пока врачи несут таблетки.

В больнице тишь и благодать.
Все буйные лежат в постелях,
А если будут бунтовать –
Их в мясорубках перемелют.

Вот этот страх и этот бред
Кузнечнику шепчу на ухо...
«Отстань! – кричит в сердцах сосед, –
Я не кузнечик, я ведь муха!..»

И долгих сорок тысяч лет
Рифмуя калий, кальций, натрий,
На сцене корчится поэт –
В анатомическом театре.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

(Отрывки)

1

Куда тебя занесло, Одиссей, куда тебя занесло?
В кабаке, еле разлепил глаза – глядь, а уже рассвело.
Продал рубашку вчера, оружие, отдал последнее весло...
Куда тебя занесло, Одиссей, куда тебя занесло?

Где же флот твой, Одиссей, где твой великий отряд?
А на улице деревья шумят... Тополя над головою шумят.
Всех потерял ты, растратил, и сам потеряться бы рад...
Лишь Пенелопа ждёт – в маленьком домике, ждёт, любого, назад...

2

Осень – это всегда середина.
Не ждёшь, не ждёшь – бац! – а уже седины.
Но разве может листопад напугать?
С другой стороны, никто не хотел умирать.
Да и с этой стороны – жить бы да жить!
Ну что тебе стоит, господи, вторую бутылку открыть?
Понятно, нам хочется – а всем столько счастья нельзя, –
Карма, выбор, сансара... Как там? Твоя стезя...
А на улице осень, краски сходят с ума!
Дуй домой, Одиссей, сказала Цирцея сама.
Хватит прятаться в прошлом, его уже не вернёшь.
Говоря о победах под Троей, ты ведь торжественно врёшь!
Все циклопы, сирены, и тайна безумства отца, –
Всё ты выдумал, прячась, на даче слепого певца.
С молотком и лопатой, со шваброй наперевес –
Это не Демон и Мцыри... Ты даже не мелкий бес.
Пусть тираны у власти, под корень вишнёвый сад, –
Пора возвращаться домой, Одиссей, пора возвращаться назад...

В. Корневу, М. Гундарину, И. Копылову

Где-то орёт дурниной
Чёрный облезлый кот.
А на мои именины
Знаю, никто не придёт.

Кто-то сегодня не сможет,
Кто-то – уже никогда.
Что же так сердце гложет?
Это ведь всё ерунда?

Помнишь, клялись навечно
В горе и счастье – друзья?
Вместе, мол, встретим вечер.
Прочая галиматъя.

Жаль ту любовь, что однажды
Так и не смог отстоять.
Знать бы о самом важном –
Главное мне бы понять...

Что ж, одиноко по улице
В ногу с весёлым дождём,
В «Грильницу» есть свою курицу
Вместе с теньями пойдём...

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Маркиз де Сад лежит во всех киосках,
Глядит спокойно на девиц, что ходят в мини.
И младшего выводит Старший Плиний
Гулять по городу, где новую картину –
По слухам взявшую недавно целый Оскар –
Во всех кинотеатрах крутят, плоский

В ней юмор прикрывая постмодерном...
Народ – *народствует*... На пляже лезут в воду
Герои, как всегда, не зная брода,
И скучно повторяется всё – мода,
Слова о доблестях, о ценах, сексе, вере,
что есть желанный – левый, правый? – берег,

Где и так далее, и прочее... С утра
Шныряет по двору с капризным мопсом
Девчонка с аккуратной, круглой попкой,
И думаешь, что попку эту мог бы
Не хуже выгулять при случае... Ура!
Опять в реальности проделана дыра

Куда всё валится... И незачем искать
Дорогу к выходу или точнее к входу...
А где-то в вечности передают погоду, –
На ощупь ищешь выключатель ледохода,
Задвижку осени, и, не заметив скат,
Летишь, споткнувшись о сугробы на кровать.
Спать.

КАНИКУЛЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

День умер на бульваре и истлел.
Лежит его скелет, белея белой ночью.
И это – Петербург, я утром прилетел,
вокруг густой туман и видимость не очень.

Здесь люди, как и я, – двуногие, но всё же
в них светится звезда совсем иных широт.
А в полночь, говорят, Пётр отпускает вожжи,
и лошадь не спеша поить к Неве ведёт.

Нева совсем черна, блестит в коня, как ножик,
но, не пугаясь, конь пьёт медной глоткой ночь.
Я вспоминаю, что в провинции ведь тоже
смотрел, как кони пьют. Как этот же, точь-в-точь!

Да, я люблю тебя, хоть ты мне и не ровня.
Ты – город, я – народ, ты – в вечность, я – в продмаг.
Когда еще найдёшь в своих карманах строфы
вот эти, и пожмёшь плечами: «Вроде, так...»

Ты знаешь, я ведь слаб по части женской ласки,
но девушек твоих я обижать не стал.
Хоть у тебя они умеют строить глазки
и тут же увезут на дискотечный бал!

Я видел, по ночам в трамваях ездит Ленин.
С завязанной щекой и в кепке – как живой!
Он на меня глядел прищурившись: «Изменник!»
Я вышел не простясь. Он кинулся за мной.

Раз увязался – пусть. Он больше не ругался,
и тут я разглядел – он в кедах, без носок,
(а Петербург, смеясь, на цыпочках поднялся
и шёл за нами вслед неслышно, сколько мог).

Да ладно, не таись, раз я смешон – так смейся!
Я от Сибири всей вёз для тебя привет.
Мне до тебя лететь в ракете целый месяц,
чтоб здесь, за три часа, прожить сто тысяч лет!

Ну вот и всё... Прощай... Когда ещё на праздник
приеду я к тебе, по Невскому пройтись.
...Луна взошла, плывёт Невой, как жёлтый тазик –
женатые мосты вдруг тут же развелись.

Прощай и ты, герр Пётр, и памятником честно
работай и коня поить не забывай.
Не нужно провожать... Я с Лениным... Нет места...
Ты лучше город свой опять не прозевай!

1992

СТИХОТВОРЕНИЕ С ЭПИГРАФАМИ

Редкая птица долетит до середины Днепра.

Н. Гоголь

*Гоголь отвинтил какой-то винт внутри
русского корабля, после чего корабль стал
разваливаться.*

В. Розанов «Опавшие листья»

*Сотряслись осквернители праха,
не увидев в гробу мертвеца.
Был ли Гоголь?*

Ю. Кузнецов «Тайна Гоголя»

Входит Гоголь в бескозырке...

И. Бродский «Представление»

«Я бессмертен, – отрезал Гоголь.

– Бери лопаты. Скоро полночь».

А. Королёв «Голова Гоголя»

«Редкий Гоголь доплывёт до середины Оби...» –

это не тайна теперь для Востока и Запада.

«Что хмурый сегодня, Василич?» «Немного знобит...»

Гоголь не любит акульего сильного запаха.

Обь ведь богата акулами, есть в ней киты,
опасное место – бывает, пираты-проказники
наедут гурьбою – а Гоголь ну прятать листы
поэмы, где правда про Пушкина, Ленина, Разина.

Трудно живётся Василичу в наших краях,
климат не ласков, что лето, зима – всё едино.
Близят заботы провинции Гоголя крах, –
знаком вопросы согнули писателя спину.

Что за фантазия в ссылку отправить его
в эту дыру, в Барнаул, Богом проклятый угол, –
шепчутся, что умерщвляет своё естество,
ходит сутулый, худющий и чёрный, как уголь.

Мучает что-то Василича, что-то гнетёт,
тайна разъела его, только НОС и остался:
в полночь сквозь зеркало переправляется вброд
и возвращается утром смертельно усталым.

Вечно ему уготовано жить на земле, –
смена фамилий, мелькание центров, окраин,
вместе с толпою юродивых, грязных калек
ищет спасения, веры и истинных таинств.

Часто в припадках в Италию рвётся, и вновь
просит, в Сибирь, чтоб его к декабристам сослали.
Слухи ползут, что замучила Гоголя кровь
тех, кого книжками предал, когда правил Сталин.

«Душно мне! Душно!.. » – сдавила тисками кровать.
«Век поднимите мне!.. Вижу – хоронят живого!»
Дай ты нам каждому, Боже, своё написать...
Но упаси нас сказать гениальное слово!

Летом небо шершавое, звёздное,
метит в нас своим лунным копьём.
Бесхребетная и бескостная
ночь воняет ветхим тряпьём.

Не дано нам увидеть вещи
те, что скрыты Богом от нас, –
но на ощупь, кем-то из вещей,
мне даруется третий глаз.

И тогда я на миг умираю,
чтоб погибла со мной темнота, –
и для ада теперь, и для рая
мне другая дана чистота.

Балансируя как на канате,
с головою тяжёлой от глаз
я отмечу на звёздной карте,
где посмертно рожусь ещё раз.

Всё забудется в поколениях,
и дела, и тела, и слова.
Иногда только, в Дни Затмения,
будет зрячей моя голова...

Продолжим прерванный полёт.
От края крыши оттолкнувшись,
Сегодня точно повезёт
Прорваться в небо – не проснувшись.

Огромный город подо мной!
Лечу, расставив крылья-руки.
И всё для девочки одной, –
Пусть поживёт теперь в разлуке.

Но что-то с крыльями не так,
Я кувыркаюсь меж домами,
Бьюсь головою о косяк –
И падаю в объятия мамы.

Полёту юности конец.
Разборки в школе, педсоветы...
Качает головой отец.
И никаких вестей от Светы...

Памяти С. С. Маркова

Продавец воздушных шариков,
Детских сказок и мечты.
Он уже довольно старенький,
Но не молод ведь, и ты?

Он всегда стоит у парка, –
Снег, жара или дожди, –
Не отпустит без подарка,
но шепнёт: «Не приходи...»

Знаю, знаю, не ругайся,
Вырос мальчик тот давно.
В этот мир, как не старайся,
нам вернуться не дано.

Но однажды ошибусь я,
И на велике прорвусь –
За секунду до удушья,
В ту верёвочку вцеплюсь!

И воздушный шарик смело
В синь уносит старика...
Там его худое тело
Скоро скроют облака...

ТЕРРИТОРИЯ

*И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.*
Юрий Кузнецов «Атомная сказка»

Тут над рекой такая тишина!
И только коршун чертит круг за кругом.
Я был бы этим соснам лучшим другом –
Я выучил бы твой язык, сосна.

Стою, посланник городского гвалта,
Без кроны, без корней, и без ветрил, –
Здесь скоро будет стройка, смог и свалка,
речное дно затянет жирный ил.

Стоял разведчик строек пятилетки,
Глядел на это чудо, красоту,
Достал планшет: «Товарищ Малолетко! –
Он написал, – скажу начистоту,

Для стройки это место не подходит,
Болота, гниль, грунтовая вода...»
...Смотрели сосны – человек уходит.
Дай Бог, чтоб он убрался навсегда.

Слишком много боли, слишком много...
Умер одинокий инвалид.
Богу не до нас, а нам до Бога –
Космонавт и тот не долетит.

По приказу родины в Афгане
Идеалы чьи-то защищал.
А потом в больнице, в Абакане
Каждый год без памяти лежал.

Пять контузий, две сквозные раны,
Три развода, алкогольный чад...
Здесь, в земле, Иваны да Степаны –
Часовые родины лежат.

Я вижу дом, а дом меня не видит...
Мой дом из детства. Он давно снесён,
И если кто-то вдруг из дома выйдет, –
Не докричатся, не услышит он.

И сквозь меня как будто я лишь воздух,
Сквозь боль мою душевную и мрак,
Проходит мама... Мама скажет: «Вот бы
Сын позвонил, ведь что-то с ним не так...».

Я к ней бегу, как маленький: «Родная!
Я здесь, я твой, домой хочу назад!..»
...Кружится пепел, как воронья стая,
И я бреду куда-то наугад...

За булочной, у городского парка,
кормила женщина бездомную собаку:

созвездие сосцов под исхудавшим брюхом,
ест с жадностью, но ловит чутким ухом

все звуки – обнажённость нервов самки.
А рядом с женщиною сын её в панамке.

Спешили хмурые прохожие куда-то,
спешили на дебаты кандидаты,

спешили девочки и мальчики в кабак,
спешил поужинать в столовке холостяк,

спешили в иномарках толстосумы,
спешил учёный, погруженный в свои думы.

Остановитесь! Ибо в спешке не понять
великое: мать кормит хлебом мать.

ЧП

В огромной умывальной комнате, оставшись один,
он резал себе вены осколком электрической лампочки.
Я и раньше ему говорил, что он не доживёт до седины,
и может уже сейчас покупать и прятать в вещмешок белые тапочки.

Я не знаю, зачем берут таких в армию.
Наверное, чтобы окончательно убить в них человека.
Пусть бы и дальше художник рисовал, певец пел свою арию,
зачем хорошего скрипача заставлять переучиваться на дровосека?

Теперь ещё один такой вскрыл себе вены.
Кровь перекрасила кафель и белые раковины в тёмно-красные.
Никогда не забуду его глаза – словно у женщины после измены,
мне тогда очень захотелось, чтобы это была не кровь, а краска.

Но это была не краска – и она
стекала ручейками в канализацию. А утром,
когда под гимн бодро встала вся страна,
он уже входил к Богу в рай, без пилотки и, как был, разутым...

1990

ТВЁРДЫЙ ЗНАК

Обрывки фраз, цитат и междометий,
и странные слова – значение их не знаю –
слежались здесь, как шлак и хлам столетий,
в котором я себя пожизненно теряю.

Привычный мой кошмар, мой застарелый бред,
ты сотни лет копил опилки для мудрейших, –
я жил в тебе, как бомж, под ворохом газет,
я был здесь тем, кого бесплатно любят гейши.

Потерянный в строках, испорченных дождём,
забытый в тоннах книг, свезённых на помойку, –
я вызубрю навек, убитое огнём,
у входа в немоту, приняв собачью стойку.

Слепой найдёт меня по буквам впотьмах,
в космической пурге отпетых графоманов.
Когда я растворюсь, как в кислоте, в стихах,
я возвращусь домой, я твёрдым знаком стану.

НА НОВОМИХАЙЛОВСКОМ

В период кризиса и упадка
Я поехал на кладбище
Поправить на могиле матери оградку.

Мне никто больше не звонил, не звал в гости,
И я решил провести выходной
На материнском погосте.

Я встретил там странного человека,
Да не человек он был,
А обрубок, калека.

Он катился на самодельной коляске
С улыбкой до ушей,
Он был специалист по «палёнке»,
Собиратель блох и вшей.

Он подъехал ко мне вплотную
И протянул пластиковый стаканчик: «Пей до дна...»
Я не сказал ему – к чёрту! «Иди ты на...»

Я посмотрел на серое небо,
Зачерпнул с могилы горсть земли,
Выпил, занюхал землицей и подумал:
«Господи, почему мы хотели, но ничего не смогли?!»

А калека взял у меня пластиковый стаканчик
И указал на горизонт:
«Пошли, если хочешь, там теперь истина
И тёплый фронт...»

Я стал на колени вровень с его высотой,
И захлебнулся от ужаса, увидев
Какой наш мир маленький, а его – большой!..

...Я поправил оградку, разгрёб мусор,
Опять посмотрел на небеса –
Там по облакам катился весёлый калека,
А по моим щекам текла божья роса...

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Я на практике в деревне,
между прочим.
Осень. Жёлтые деревья.
Холод ночью.

На столе зажгу я лампу,
между прочим.
Приглашу соседку Аллу
на часочек.

А ведь замужем соседка,
между прочим.
Муж её стреляет метко,
Очень-очень.

Но ведь сердцу не прикажешь,
между прочим.
Да и муж её на пашне –
это точно.

...Провожу её задами,
между прочим.
Что же было между нами?
(Ставлю прочерк...)

...У неё хорошая память,
Но она не помнит из меня ни строчки.
Я называю её – «Моя Великая Драма»,
А она меня – «маменькиным сыночком».

На самом деле у нас с ней любовь с первого взгляда,
С первого слова, и с первого класса.
Если она меня бросит – я приготовил уже три килограмма яда,
И она не проживёт без меня и получаса.

Так и живём, а точнее мучаемся:
И вместе – никак, и врозь – не получится,
Она мечтает о детях, я – о несчастном случае,
Мы запутались друг в друге, и уже не понимаем – что лучше.

«Ты моя спящая красавица на фоне утреннего пейзажа, –
говорю: – И я точно знаю, что мёд слаще крови.
Я избавлю тебя от этой дребедени, от всего этого джаза,
А ты избавь меня, пожалуйста, от своей убийственной любви!»

Я довёл её до ручки, а она меня – до ножки.
Бешеное притяжение преодолеваем алкоголем и постелью.
Она мечтает о финишной прямой, я – о кривой дорожке,
И я не буду ждать, когда жизнь нас в пыль и прах перемелет.

Это называется – жить на энергии злости,
Это называется – хотел жениться, а попал на виселицу,
Это не купюры хрустят, дорогая, а мои кости!
Что может вынести влюбленный дурак – просто невысказано!

Как всегда в моей жизни всё висит на волоске!
На твоём волоске – и лишь бы он не оборвался.
Я существую лишь буковкой на бумажном листке –
Сколько раз я зачёркивался и кем-то поджигался!

Если в женщине есть вход, значит должен быть и выход,
А иначе как мы, чёрт возьми, здесь оказались?!
Сделай глубокий вдох, моя радость, а я сделаю выдох,
Это наш последний шанс не стать тем, чем все вокруг уже стали...

Собирается дождь над городом,
и огромной чёрной стеной
с превосходством и даже гордостью
небо виснет над головой.

Убежать мы с тобой не успеем, –
от судьбы разве можно сбежать? –
струи прочные, толстые, спелые
начинают по пяткам хлестать.

Мы увидим с тобой как изящно
змейка молнии в землю нырнёт, –
как вели себя, в общем, бесстрашно
двое в центре библейских вод.

Мы теперь – неразлучная пара, –
по колено в небесной воде
чуть замёрзли, но с истинным жаром
целовались, забыв о дожде.

Ливень смывает ненужные краски,
и заставит блестеть и гореть
что бессмысленно и прекрасно,
для чего стоит жить и петь...

С. С. С.

Люблю читать зачёркнутые строчки,
они – несостоявшиеся жизни,
их зачеркнули, но они ведь были,
пусть кто-то – автор, писарь, пекарь, токарь,
решил по новой их переписать.
Вот я, к примеру, тоже может строчка,
уже зачёркнутая кем-то, как ошибка,
а я живу, не зная, что зачёркнут...

Я думаю, что в будущем, возможно,
появится какой-нибудь пытливый
(а в прошлом тоже – токарь или пекарь)
начнёт листать, зевая (нужно делать
работу, он доцент и всё такое,
а тут жара, и пиво, девки, лето)
заглянет в черновик бессмертной драмы
великого творца (который свыше)
и там, среди бесчисленных помарок,
невнятных вставок, вклеек и ремарок,
установится в зачёркнутую строчку
(скажи, ведь неплохой был вариант?),
и сбившись с ритма, шевеля губами,
забудет о бессмертной драме, пьесе,
за буквой буква, слово тянет слово,
он будет пробираться в полном мраке
чернильной ночи, где одни лишь кляксы,
ухватит смысл, неясный даже Богу,
и расшифрует, может быть меня.

Человек подводит итоги
В общем, скучной жизни своей.
Тех счастливых дней немногих,
Бесконечно грустных дней...

Человек сидит на кухне,
Все уж в доме спят давно,
Лбом упёрся в стол, а ухом
В недопитое вино.

Жизнь прожил он как обычно –
Школа, армия, завод, –
Вот женился, всё отлично...
Что-то на душе скребёт.

Дети школьники, с женою
Сад купили, огород...
Там где сердце – что-то ноет.
Там где крылья – сильно жжёт.

Достаёт трубу, бедняга, –
Здесь, в чулане, под тряпьем, –
«Музыкальный гений Смагин!», –
Говорили все о нём.

Что ж ты, Смагин, смазал карту,
Испугался быть собой?
Ты теперь Восьмого марта
Развлекаешь всех игрой.

Стал ты средним инженером,
И до зама не дорос.
«Ну а в музыке карьеру
Разве сделал бы?..» Вопрос.

Эти вечные вопросы,
Как проверить, как узнать?
«Свет гаси, – жена попросит, –
Хватит пить, ложись-ка спать...»

Будет ливень, всё замерло чутко.
В тишине, в паутине, в лесу
вдруг запутался... Ангел. Минутку!
Глупый Ангел, тебя я спасу!

Странно только, когда в паутине
я запутаюсь – ангелы спят.
Может быть, о библейскую глину
страшно им замарать свой наряд?

Будет ливень, набухшие тучи,
как бельё, выжмут сверху на нас.
Ангел, ты, как и я, невезучий, –
мы промокнем до нитки сейчас!

Я – до нитки, а ты – до бессмертья.
Эти капли земного дождя
отнеси в рай для лучших и верных, –
отряхни на них с крыльев, шутя.

Отнеси им земное посланье.
Даже те, что столетья в раю,
чьи сбылись все мечты и желанья, –
помнят грешную землю свою...

Свете

Мороз покрасил белой краской
Залил все окна молоком.
Трещат деревья, дело ясно –
Сидеть все праздники вдвоём.

А мы и рады, потому что
Вдвоём ведь не были давно.
Влюблённым не бывает скучно –
Им счастье глупости дано.

На этой старой даче печка
Полуразваленная есть.
Затопим, света нет, но свечка
Умеет весело гореть.

Читать любимые романы,
Стихи дурацкие писать.
Мечтать, в каких мы будем странах,
Да и не будем – наплевать.

Как мало мы друг друга знаем,
Прожив бок о бок целый век.
...А свечка всё горит и тает.
Как тает всякий человек.

И сколько нам осталось вместе,
И сколько в вечности потом...
Давай поставим завтра тесто.
Отметим счастье пирогом.

В зелёном пламени июля
Сгорает город и вокзал.
Любовь – судьбы шальная пуля
Нас убивает наповал...

Гуляет с мопсом по аллее, –
других занятий будто нет.
Я прячусь в лавке бакалейной,
Чтобы не выдать свой секрет.

И ни остаться, ни уехать –
Я пропускаю поезд свой.
Как дальше жить? Мне не до смеха!
И ни одной души родной.

Куплю беляш перед отъездом,
Умчусь отсюда навсегда.
В её душе мне нету места –
Она ведь здешняя «звезда».

Застрять в дыре провинциальной!
В буфете мухи на окне,
а по дороге магистральной
Проехал кто-то на коне.

Меня отвергли, боже правый!
А я ведь лучший на Земле...
Забыть, забыть зазнайку Клаву!
И улететь – хоть на метле!

Дождусь ли поезда другого?
Мне безразлично, наплевать...
Я на скамейку в полвосьмого
Улягусь сердцем умирать.

Семнадцать лет! В таком ненастье
Не проживу теперь и дня...
...А в пятьдесят я буду счастлив,
Что это было у меня.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ДЮНЫ

Олегу, Артёму, Ларисе

Мы были в дюнах,
Нам их не забыть.
Друг молвил: «Ух ты!»
Но успел налить.

Два барнаульца,
Москвичи-друзья,
Песок, как стулья,
Стребаем под себя.

Трава, кустарник,
И морской прибор,
Из книжек странник
Машет нам рукой.

Песок сквозь пальцы,
Сыпал здесь Господь...
«Вот сыр, вот сольце,
Я тост скажу, погоду...»

Шуршит травую
Ветер этих мест...
Мы выпьем стоя,
Запад – это «бест»,

А мы – с Востока,
На Восток уйдём.
Судьба жестока,
Блин, но там наш дом.

За смелость, юность,
И за *сбычу мечт!*
Мы пьём за дюны,
Чтобы в них не лечь,

За мир, за дружбу,
Море, небеса,
За нашу – стужу,
И за чудеса...

БАРНАУЛЬСКАЯ ЗИМА

Выйдя к реке, замерзает столица,
Житель хмельной на ступеньках сидит.
Пляж и жара алкоголику снится, –
Летом отсюда прекраснейший вид.

Я, если честно, не знаю откуда
Солнце зимой над рекою встаёт.
Просто живу в ожидании чуда, –
Чудо приходит весной каждый год.

Лёд и рыбацкая птица-удача –
Замер над лункой простуженный люд.
Знай, дорогая, мужчина не плачет, –
Просто сосульки из носа растут.

В зимних туманах теряем столицу,
Утром над речкой звенит тишина.
Житель хмельной сквозь мороз матерится –
Богу зимой его речь не слышна...

Бывает так, в начале жизни
Мелькнёт в сознание чей-то лик,
И только в двух шагах от тризны
Ты вспомнишь, как он вдруг возник.

Но больше всех нас удивляет,
Что те, кого совсем забыл
Так ярко в памяти всплывают,
Как будто снова жизнь прожил.

И твой, родная, образ резко
И чётко в памяти встаёт –
Я как рыбак с непрочной леской
Боюсь, что всё уйдёт под лёд...

...Лежу, проснувшись, на рассвете,
И тает в памяти как снег,
К чему так безразличны дети –
И ценит взрослый человек.

Ивану Фомину

Зачем-то выкинул свои черновики,
За утро выкурил остатки сигарет.
Сказал, что больше не напишет ни строки.
Купил на рынке старый пистолет.

Судьба провинциальная смешна,
А может быть трагична – как поймёшь?
На что-то ведь она тебе дана –
Поэзия... Как тот опасный нож

Отцом подаренный... А может ты его
Поднял на улице, где мужики дрались?
Ты вытер лезвие зелёною травой.
А там, в пыли, кончалась чья-то жизнь.

С тех пор тот нож ржавеет в кладовой.
Туда отправится и старый пистолет.
Стихи не пишутся трусливою рукой.
Кислятина во рту от сигарет...

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Мне снится океан,
а я ему не снюсь.
Он позабыл меня.
И ладно. Ну и пусть.

Зелёная стена
Воды стоит вдали.
Я видел как волна
Топила корабли.

Когда тайфун утих,
Нашёл в песке часы.
На крышке прочитал:
«Любимый Тумболсы!

Любовь моя всегда...»
Разъедено волной.
Навряд ли Тумболсы
Вернётся к ней домой.

Моряк, турист, пират,
А может пограниц.
Не помнит океан.
Он нам ведь не отец...

Дельфины проплывут
И снова гладь чиста...
Вот так бы жизнь начать
Мне с чистого листа.

Волна шумит в ночи:
«Давай, смелей, скорей!..»
Отчаянье своё
Забвением запей...

...Не помнит океан,
Не помнят небеса, –
Кто ходит по воде
Чьи у него глаза...

Данилу Дегтярёву

Старый дом готовится к сносу...
Приходит рабочий, похмельный, курносый,
Достаёт инструмент для своих работ,
Говорит очкастому: «Не лезь, урод!»

А очкастый учёный несёт сивый бред,
Мол, история города, триста лет...
Да пошёл ты с историей! Рабочий берёт
Ломик увесистый – и вперёд.

Сначала крышу снесём деревяшке,
(Сбегать за пивом в обед в «Стекляшку»),
Рабочий тут, в общем-то, ни при чём –
Ему сказали – он взялся за лом.

А мимо идёт безразличный народ,
Кто с бабой, кто репу в авоське несёт,
Мимо проходят – веков и себя,
И не живут они будто, а спят.

Сотни веков, миллионы людей,
Вспомнить-то некого – груды костей.
Был прокурор с душою горбатой,
Мэр, губернатор, застройщик богатый,

Чиновник продажный, газетный магнат, –
Сказали – сносить, и – ни шагу назад.
Что там останется в памяти нашей?
Стройки, заборы – всё выше, всё краше,

Спальные гетто, высотки, бетон, –
Денег поднимут – миллионы «тонн»!
Старый дом готовится к сносу.
«Слышь, ты, курносый, дай папиросу...»

Пыльный и грязный сидит он в теньке, –
Ломик держит в могучей руке.
Крышу снесли, а завтра – и стены.
Радуют многих в стране перемены.

Василию Сыроежкину

По приречным переулкам,
Да по тёмным закоулкам
Проходила жизнь моя –
Тупичок, не колея.

Жизнь трудна и неказиста,
Подзывают бабу свистом,
Есть и выпить, и другое, –
Все мы знаем, сколько стоим.

Здесь любовь за три копейки,
счастье льётся как из лейки –
только руки подставляй,
да платить не забывай.

Но народец в общем добрый,
Угостит сушёной воблой
И расспросит, и расскажет, –
Пожалеет, может даже.

Ты не бойся, не робей,
Платишь – значит ешь и пей,
Выживем, не в первый раз:
«За спецназ и за Стройгаз!»

Смысла нет, но есть портвейн,
Всем – не жадничай – налей!
Мать без сына, сын без ма...
Тут иль посох, иль тюрьма.

А красивые слова
скажет вечером Москва.
Не напьёмся – будем слушать,
Для чего нужны нам уши?

СОНЕТ В КОНЦЕ ЛЕТА

Проходит лето. Прохожу и я.
Готовлюсь к листопаду, охлажденью,
к морозам, к полноценным невезеньям,
к тяжёлым снам чугунного литья.

Проходит лето. Заживут колени
у детворы, и съедется семья
из отпусков (проклятая статья
написана – конец июльской лени).

Проходит лето... Но смотреть, как сам
проходишь – тоже, в общем-то, наука,
точнее – тайна приобщенья. С ней

вновь обретаешь веру в чудеса,
и право входа в прошлое без стука,
и честь сидеть в присутствии теней...

СОНЕТ О ДУШЕ

Моя душа, тебе как будто тесно.
Да, для тебя мой рост ничтожно мал,
к тому ж болезнями я, как сырой подвал,
завален. Занимает много места

гордыня (от которой, если честно,
я не спешил избавиться). Забрал
грех сладострастия (кривляка и бахвал)
так много. Остальное съела плесень

неверия... Чего ж ты ещё ждёшь?
И тело – ложь, и дело – тоже ложь...
Когда же ты мешок гнилой прорвёшь

и улетишь дышать свободным светом,
забыв навеки, что жила в поэте –
ведь ты с собой ни строчки не возьмёшь...

СОНЕТ О ЗРЕЛОСТИ

Сочные листья, все в выпуклых жилах,
держат, как будто в руках, небосвод.
Зеленью жирный, лежит огород,
гусениц сонных сбросить не в силах.

Это июль, транжира и мот,
толстый проказник, ленивый и милый,
зубы здоровые в граблях и вилах
скалит, цenia стрекозиный полёт.

Лето! Как быстро кончаешься ты,
я ещё все не увидел цветы –
ты их уже заменяешь плодами.

Так моя жизнь. Спокойная грусть:
телом своим сутулюсь, клонюсь,
в почву созревшими вдавлен годами...

ЭПИТАФИЯ

Моя дорогая А.! Ты стала пеплом,
то есть удобрением для будущих засранцев...
Луна, опившись дождя, почти ослепла,
несет её кто-то, засунув в тучу, как в школьный ранец;

этот кто-то – большой человек, а точнее, большая сволочь,
он купил на небе три участка земли, и четыре тонны дождей,
и каждый день, когда наступает полночь,
он наливает мне лужу крови, и говорит – комар, пей!

Мне страшно жить в самом центре глобальной смерти,
вокруг только чёрные, красные и круглые квадраты, –
дорогая А., если ты думаешь там, в своем пепле, о мести –
мы уже мертвы, как забытых звёздных войн неизвестные
солдаты.

Я всё забыл – и вспомнил жизнь другую.
Свою? Наверяд ли... Кажется, чужую,
но мне известную в подробностях. Я жил
у моря, я имел лишь пару крыл
некрепких, но богат был баснословно:
мой ветер, моё небо, мои волны!..
Я был один, но знал, что всюду Бог.
И с этой верой был не одинок.
Я всё забыл и книжек не читал,
но был закат с восходом также ал,
всё было в мире, как и быть должно:
я видел небо, а оттуда – дно,

я был свободен к перемене мест,
я видел Будду, Полумесяц, Крест, –
но я спешил попасть скорей домой,
где ветер, звезды, крылья над волной!
...Кто мне ответит, для чего я здесь?
Кто дал мне право на чужую песнь?
О Господи, позволь не быть ни чем,
а просто жить... Я глух, я слеп, я нем...

ЛИТЕРА

1

На краю биографии, где-то в Америке,
в полупьяном бреду, в стихотворной истерике,
в дорогом ресторане, в обнимку с предателем,
вспоминает он родину, долго, старательно.
Дальше? Дальше она, нелюбимая, старая,
и смешная любовь станет мукой им, карою, –
ночью, потный, хрипит: «Ты крадёшь моё золото!...»,
днём, отравы боясь, себя мучает голодом.
А потом снова в путь, ибо тот, кто преследует,
в двух шагах от него с полицейским беседует,
улыбается странно, похожий на крайнего,
на того, кто в бегах с детства самого раннего...

2

Воротиться домой, ни к селу, и ни к городу, –
он здесь всеми забыт, можно смело сбрить бороду,
воротиться, покаяться, стать между делом
красным, жёлтым, зелёным, коричневым, белым.
Он приедет, но поздно, здесь что-то утрачено.
На диване чужом он свернётся калачиком,
будет хмурый лежать, зло шепча: «Чёрта лысого!...»
Будет что-то в блокнот по-китайски записывать.
А в обед не вернётся из «Общества трезвости»
величайший поэт, и творец всякой мерзости...

НЕСПОКОЙНОЙ ВАМ НОЧИ!

Ближний свет, дальний свет, «выхода нет».
Лаз на Луну. Всем, кто умер – привет!
Этот ли, тот Свет, в туннеле темно...
Кто-то кричит: «Я – в Европу окно!..»

Но остальные – молча идут:
Лазарь и Цезарь, друиды и Брут,
Платон и Плотин, Овидий и кто-то
знающий путь через это болото...

...Выпив сто грамм, позабыли пароль.
Гамлет заплакал: «Я жалкая моль...»
Вторили хором ему остальные:
«Нас победят червяки земляные!»

Мысли! Куда пропадут наши мысли?
Господи, часть хоть на Землю им вышли!
Ночью корпят мудрецы и поэты,
им ведь нужны с того света ответы!..»

...Лаз на Луну открывают на час –
мало желающих быть среди вас.
Доброй бессонницы, дети Луны.
Спящим секреты Богов не нужны.

СОВЕТЫ БЫВАЛОГО

Поедмте на острова!
Всего лишь час на теплоходе.
Мой друг, седая голова,
Все выходные тут проводит.

Здесь сосны верят в прямоту,
А дюны как всегда лукавят, –
И если выбрал ты не ту –
Жизнь, женщину – есть шанс исправить.

Палатку ставь на пару дней, –
Вода другая, не из крана, –
Кипит уха из окуней,
Звенят у костерка стаканы.

А ночью посиди один,
Чтоб только звёзды, ты и речка.
И там, среди небесных льдин
Протает маленькая свечка.

1

Рыжее с усами солнце
Пьёт небесный самогон.
Сквозь проталину в оконце
Смотрит грустный добрый слон.

Как он в дом ко мне забрался,
Как не раздавил родных?
Я пока не разобрался,
Я болею. Не до них...

2

Снеговик стучит в окно...
(Не надо было пить вино).
Новый год – настроение ноль.
По квартире летает моль,

В декабре летает зараза.
Я грущу под шум унитаза,
Завтра – Первое января,
(Всё же водки я выпил зря)...

...Снеговик сидит за столом.
Мы с ним пьём всю ночь напролом.
За весну поднимаю бокал.
Я заплакал, а он – не стал...

ПОСЛЕДНИЙ СТАКАН

Я не знаю Библии,
дрожу от обложки Корана.
Рядом Пушкин страдает:
«Она ведь звалась Татьяна?»

Брось, брат Пушкин,
нет здесь никаких Татьян.
Возвращайся к жене,
оставь бутылку, стакан,

Ты ещё успеешь,
а Байрон – уже никогда...
Ты же сам говорил нам,
что кровь – это просто вода,

Мол, не надо бояться
смерти, она пусть боится нас, –
И не нам в эту полночь
пробьёт тринадцатый раз.

Вон, Дантес, под завязку...
Идёт из трактира домой, –
Он здесь местный пьянчужка,
бормочет с самим собой...

Помахай пистолетом,
а хочешь – махни им крылом.
Уже за полночь, кто там
остался сидеть за столом?

Ты вернёшься к Наталье,
с повинной седой головой, –
Ни в кабак, ни по бабам,
никуда, ни рукой, ни ногой.

Возвращайся, брат Пушкин,
есть ещё маленький шанс.
Мы задержим их, выпьем
последнюю водку и шнапс...

...Но проходит неделя,
и в свете ропот глухой:
Ну какой же он Пушкин?
Это кто-то другой.

И А. С. вновь в трактире,
в компании злых ямщиков,
Раздаёт им посланья
про зажавшихся временщиков.

А к Наталье заходит
с гитарой похмельный Дантес...
Обречён ты, брат Пушкин,
нет в этом мире чудес...

...Меня в небо подбросил
за рубль подъёмный кран,
И успел протянуть я
А. С. последний стакан...

Просто живёшь, как плывёшь,
быстро плывёшь – устаёшь,
Плыть на спине легко,
но не уплывёшь далеко.

Просто плыви, мой друг,
И созерцай всё вокруг,
Забудь и любовь, и месть, –
Плыви, пока силы есть...

От меня до небес – расстояние в целого Бога.
Я не верю в Тебя. Не суди меня, Господи, строго.

Я продукт наших дней, прагматичной, циничной эпохи.
Ты нёс хлеб для людей, а достались им малые крохи.

В Воскресенье Твоё и в ненужное наше бессмертье
я не верил тогда, а сейчас – и подавно не верю.

Я не верю в Твой Рай и в Твой Ад, Боже, тоже не верю.
Закрывая окно, Ты захлопнул нечаянно двери.

Я живу на земле, и зачем мне Твоё Неземное?
Если к людям – лицом, то получится к Небу спиною...

Но когда я умру и в Твоей буду власти и силе,
Ты прости меня так, как Тебя на земле не простили...

ПУТЬ

В темноте идём. Осторожен шаг.
Справа – верный друг, слева – верный враг.

Ошибусь, споткнусь, но удержит круг:
слева – верный враг, справа – верный друг.

Там поможет смех, здесь – стальной кулак:
справа – верный друг, слева – верный враг.

Честно скажут всё, правда – наш закон:
друг – в чём я был слаб, враг – в чём я силен.

Так идём втроём. Труден первых путь:
друг покажет брод, враг – куда свернуть.

Слева – сердца стук, справа – сердца стук,
слева – верный враг, справа – верный друг.

И пройти весь путь можно только так:
справа – верный друг, слева – верный враг.

Я хотел бы родиться в начале века,
верить искренне в правду революции,
обжигаться в Отечественную горячим снегом,
завернувшись в шинельку чужую и куцую.

Я хотел бы любить женщин пятидесятых годов,
таких странных и фотографически далёких.
Я хотел бы увидеть свою густую кровь
на афганских дорогах нелёгких.

Я хотел бы, как все, кричать «ура!» или «долой!»,
войти в историю красивым жестом,
мчаться в сабельную атаку с птичьей головой,
громыхая на кочках железной шерстью!

Я хотел бы жить наивным энтузиастом,
терять сознание на бессменной работе.
Быть верным ликбезовцем и рассказывать в классе
о любимом блюде: «Македонский в мёде».

Но всё это сделалось без меня...
Я безнадёжно не вовремя родился!
Не убивали подо мной в гражданскую троянского коня,
не рисковал я свободой, слушая «Дорз» и Дилана.

Меня заставили вылезти в сволочное время,
когда телёнок вырос и стал золотым быком,
когда продаётся всё – от рода до племени,
и культура как ветхость отправляется без задержек на слом.

Меня вытолкнули в мир в скверные годы,
когда церковная паперть превратилась в панель,
когда в чести не таланты, а делатели погоды,
когда глубина души выродилась в лужную мель!

...Я хотел бы родиться в начале века,
научиться мерить всё высшей мерой,
ударять по бездорожью автопробегом,
и, чёрт возьми! Хоть во что-то искренне верить...

1992

*Заберёшься на гору хлама передохнуть –
дух займётся: сторонушка хоть куда.*
Саша Соколов «Между собакой и волком»

Провинция стоит на трёх китах:
на продолжительных запоях, лени, скуке,
там ходят по двору в одних трусах,
на площади там кобели и суки

любовью занимаются, пока
их постовой, ругаясь, не прогонит.
Там Ленина протянута рука,
приходят с опозданием законы.

Там длинен день, как ведьмина коса,
и даже птицы медленней летают.
Там чаще раздаются голоса –
сбиваться всем в спасительную стаю.

В провинции скучающий народ
аплодисменты дарит гастролёру,
а он порой такую чушь несёт,
что думаешь, давно уже к позору

приговорила б публика столиц.
В провинции предпочитали сроду
не журавлей – держать в руках синиц
и валенками бить любую моду.

Провинция стоит на трёх китах:
на бестолковщине, на скуке и на лени.
Там нет секундных стрелок на часах,
пространство сдвинуто, как женские колени.

И разъезжаются во все концы земли,
сыны провинции, её родные дети,
чтобы вернуться через сотню лет могли
в музей провинции великие поэты.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ СТИХИ

Мне всегда нравилась та естественность, с которой она отдавала своё тело.
Я не знаю, что это было, по-моему, не больше, чем просто любовь.
Но откуда, чёрт возьми, в ней бралась бешеная всё покоряющая смелость,
с которой она заставляла меня делать *это* вновь и вновь!

Мы не видели в этом ничего дурного, мы хотели друг друга.
Как проверить чувства? Не встречаться день или два...
Господи! Каждый час ожидания был страшнее, чем любая мука,
которую могли выдумать вместе инквизиторы и татарва!

Один голос её, шевеление губ вызывали во мне рой эротических видений.
Мы занимались любовью везде – это мог быть подъезд, берег реки,
заброшенный сад,
и с не меньшим азартом занимались любовью наши тени,
ни их, ни нас не мог вспугнуть шум шагов, или чей-то любопытный взгляд.

Этот мир был для двоих, другие либо умерли, либо улетели жить на Луну.
Мы путешествовали друг по другу губами, останавливаясь подольше
в самых интересных местах.
Когда я дотрагивался до её лона, она превращалась в чуткую, тугую струну,
и тогда я играл своим смычком такую музыку,
которую не слышали Казанова и Дон-Жуан даже в мечтах!

Но где-то была ошибка в логике наших счастливых дней.
Она спешила с учёбы, рассеянная, как и положено быть влюблённой,
не замечая потока мчащихся четырехколёсных железных зверей,
вырвавшихся из своей преисподней бездонной.

Это произошло в ста метрах от моего дома.
Врачи уверяли, что она умерла сразу, не мучась.
«Кто вы ей?» – спросили они. «Я? – сквозь слёзы – очень хороший
знакомый...»
За тобой – будь ты проклят! – всегда остаётся последнее слово,
господин Случай...

1990

Молодёжи во все времена было нечего терять, кроме собственного веса. У неё не было даже цепей, которыми Маркс пугал пролетариев. Ей всегда было удобнее сидеть на полу, чем в солидной мягкости кресел. «Сидя в креслах, – говорит она, – можно незаметно стать взрослым и состариться».

Я люблю в ней дерзость и отрицание всех авторитетов. Авторитеты будут в будущем, а сейчас имеет значение лишь собственное «Я». Я люблю её за то, что в ней много художников, музыкантов, поэтов! Я люблю её за ту лёгкость, с которой произносится в молодости слово «друзья».

Молодёжь всегда в поиске и сто раз на дно теряет и находит себя. Каждый миг она меняется (и как ей хочется, чтобы мир менялся вместе с ней тоже!). Она ненавидит это «окружающее старьё» (но ненавидит по-своему, любя), эпатирует – и горда, когда люди вокруг произносят с испугом: «Боже!»

Всё это пройдёт – и скандалы, и первая любовь, которая «на века». Молодость должна перебеситься, а потом, как все взрослые, добровольно надеть смирительную рубашку. После этого остаётся три шага до могилы – женитьба, дети, пенсия – тоска... тоска! И вот ты уже защитник той – которую штурмовал раньше – башни...

Молодёжи во все времена было нечего терять, кроме собственного веса. Я констатирую это, господа, потому что уверен – сам когда-то был молодым. Не мешайте ей! Пусть она дурачится в поисках своего места. Верьте ей, когда она говорит, что без огня может быть дым!

Настоящая молодость иногда ходит... с грязными ушами, но всегда с чистой совестью. Победы её на лице – синяки под глазами да шишки на лбу. Её отличает прямота стрелы, она избегает языка условности, а если надо, пойдёт и примет под пулями судьбу родины как свою судьбу...

Между мной и амальгамой
есть бескрайний океан,
там живёт великий Лама,
видевший живой Коран.

Между Ламой и водою
истина веков лежит, –
спотыкаясь головою
бродит в зеркале приит.

Не один он в зазеркалье
ищет знание во мгле.
Амальгама манит далью
недоступной на земле.

Да и там, за амальгамой,
вряд ли кто-нибудь достиг..
Между мной и мудрым Ламой –
бродит в зеркале старик.

С КОРАБЛЯ НА КОРАБЛЬ

Я последним схожу с корабля.
Тонет, тонет Корабль Любви!
Далеко от меня земля,
и друзья – зови, не зови.

Ни одной на небе звезды,
ни одной – во веки веков!
Наглотавшись мёртвой воды,
я попал на Корабль Дураков.

Дураки хором песни поют,
из пустого в порожнее льют,
ненадёжную правду куют,
и друг другу за шиш продают!

Не утопленник, жив, не убит,
я тоскую под рыхлой луной:
там Летучий Голландец летит,
над морской ядовитой волной!

На дурацком корыте галдят:
«Кто здесь самый большой Человек?»
Мимо, курсом «Всегда-Наугад»,
проплывает Ноев Ковчег.

Я последним схожу с корабля.
Утонул мой Корабль Любви...
Далеко от меня земля,
и друзья – зови, не зови...

БРОДЯГА

Дождь, снег...
Опиши, как одинок человек.

Как он идёт по замёрзшему городу,
Пряча своё одиночество в бороду.

Тот, кто любит – не гасит свет,
Тех, что любили – давно уже нет.

Окраина, выселки, дальше – зима,
Речка, кладбище – снежная тьма.

Подними воротник, опусти козырёк –
Помоги тебе боже, если друг не помог.

Живи, если сможешь, и не сможешь – живи, –
Храня, словно с фронта, осколок любви.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Н. К.

По соседству с моим домом поселилась осень.
В старом парке, прямо через дорогу.
И дожди всё чаще ходят толпой к ней в гости.
Она вдова, а значит, любит развлечься немного.

Иногда она выходит на прогулку.
В последнее время только в жёлтом поношенном платье.
Она пользуется пролетающей тучей, как стулом.
А в магазинах сухими листьями за покупки платит.

И почему она такая тоскливая?
Вроде бы женщина – должна быть весёлой и радостной.
А она плачет, даже нос от слёз распух сливою.
Бойтся простуды, ходит, засунув под мышку оконный градусник.

Я не думал, что она страшится смерти.
Блудница, ведьма, убившая глупое лето.
Она врёт и погодой, как задницей вертит.
Носит солнце в кармане потёртою старой монетой.

А вчера ночью, как из ружья трещал мороз, и, говорят, не промахнулся...
Утром оставшиеся листья были залиты красным цветом.
Все радовались первому снегу, а я ходил злой и дулся,
она была стервой... но стервой красивой при этом.

На Достоевском сидит стрекоза.
Книга закрыта – устали глаза.
Я на траве полежу полчаса –
И на меня сядет вдруг стрекоза...

ТВОРЧЕСТВО

Луна галерником безухим
по речке вечности плыла, –
сквозь форточку, ко мне на кухню
густым квадратом ночь вошла.

Я, ливень ухватив за нитку,
смотал в большой, тугой клубок.
Так, благодарные за пытку,
рождались эти восемь строк.

1

Больница для психов в Москве, на Полянке.
Есенин плывёт в медицинской банке,

плывёт, заспиртован и счастлив вполне:
и пьян, и бессмертен. Стоит на окне

банка, он смотрит на снег, на людей, –
поэты приводят подруг и друзей,

они на Есенина смотрят влюблённо,
а он – одним глазом, сквозь спирт, полусонно.

Жизнь – пройденный, скучный, забытый этап:
ни масок, ни денег, ни славы, ни баб;

в зубах зажимает соломинку... Люди!
За спирт разве русского гения судят?

Собаку мы съели на Ветхом завете:
сомнения – лучшая вера на свете.

2

Смеётся Сергей Александрович мудро:
у вас ещё ночь – а в спирту уже утро!

Друзьям подмигнёт – ну-ка, быстро, давайте,
спиртик из банки моей наливайте!

Что князь Владимирь Руси завещал?
Жить, веселиться! «Есенин дал бал...»

«Есенин с Дункан? И что, прямо в банке?!
А банк был валютный? Она иностранка?»

Хочочет Есенин сквозь зелень стекла:
«Я в банке с Дункан утонул?! Ну, дела!..»

Такие легенды гуляют о нём,
а он – брассом плавает в спирте своём!..

3

А то станет хмурым. Приснилось опять:
ночь в «Англетере». Пустая кровать,

и чёрные люди живого поэта
повесили вместо... большого портрета!

И вроде покойно в спирту, за стеклом, –
да вдруг... разобьют?! Вдруг подпалят огнём?!

В аду вам гореть за такие проделки!
...Есенин связал на часах своих стрелки,

он стал беспокоен, тревожен и зол:
поэты, не пейте мой чёртов рассол!

За толщиной стекла что-то шепчут нам губы:
молитву? проклятье? признание? грубость?!

Отчаянья полон Есенина взгляд,
он шепчет, что в мир хочет, к людям... назад.

...Плывёт голова в медицинской банке.
Есенин. Москва. Дурдом на Полянке.

1919

За город его на рассвете
На грузовике привезли.
Берёзы спросонья, как дети,
Понять ничего не могли.

Худой и безумный, с толпою
Вёл речь о спасенье, душе,
О том, что за горе людское
Мы прокляты Богом уже.

Изято – иконка и свечка,
Венчик из роз, два креста
Нательных, из меди колечко,
Бумажка с молитвой Христа.

Никто не увидел сиянья
На небе, а в море – пожар.
Он требовал покаянья,
Назвался – Иван Божидар.

...У ямы поставили. Старший
Дал пару минут для молитв.
Восход побледневший и страшный
Сидел у кладбищенских плит.

Хромой рабочий с завода
Приговор по слогам прочитал.
Молчала в испуге природа.
Петух третий раз прокричал.

Зябко лучами закутавшись,
Как женщина в огненный плед,
Под мышкой с газетою утренней,
Шло солнце ночи вослед.

День встал как все прочие, скудный
Туман будет выжжен жарой.
Мальчишка стоял узкогрудый
Винтовку сжимая рукой.

Недолгое с миром прощанье,
Подняли винтовки – «Пли!»...
...Отправилось к небу посланье
О гибели русской земли.

1990

А. Неганову

Полгода сибирская длинная ночь.
Того и гляди, что запьёшь от веселья
По десять часов в ступе воду толочь
И так каждый день, окромя воскресенья.

Тускло горят сквозь мороз фонари.
По льду, как по небу, скользят пешеходы;
Сходи в туалет, за собой подотри,
Изжогу лечи щепоткою соды.

Живёшь по фэншую, идёшь по звезде,
Той, путеводной, полярного края,
В деревне старух тебе рады везде,
Ты проводник их аптечного рая.

Крылья в чулане пылятся давно,
Музы мешают растапливать печку;
Я бы сходил в магазин за вином,
Только с деньгами вышла осечка.

Кашляет сипло за стенкой сосед
В семьдесят пятом убийство двойное,
Ревность... Его приглашу на обед,
Он принесёт на спирту «зверобоя».

Долгая зимняя ночь. На столе
Шахмат движенье в отсветах печки;
Глянешь в окно – всё исчезло во мгле,
Кроме далёкой рождественской свечки.

РОМАНС

Вот так однажды без причины
Я утром серым не проснусь,
И по верёвке очень длинной
На небо павших заберусь.

Что будет сном моим последним?
Надеюсь, тот волшебный час
Когда под ливнем мощным, летним,
Судьба испытывала нас.

Мы ссорились. Но дождь летящий
С небес стеною водяной
Загнал нас под карниз гремящий
Своей надеждой жестяной.

Я осторожно сжал в объятьях
Забыв про ссору и скандал
Дрожащую, в промокшем платье,
Ту, что господь навеки дал...

Светлане и Виктору Суманосовым

Трубы, заводы, хрущёвки, мосты,
Еду к родителям в спальный район.
Душно в трамвае, кондукторша: «Ты!
Помнишь меня?! Наш школьный притон?!»

Надька или Верка? Наташка кажись?
Вспомню едва ли, но верю глазам.
Что с нами сделала чёртова жизнь?
Просто с размаху дала по мордам.

Стройки, общаги, пивбар «Без проблем»...
Скоро на выход: «Подруга, прощай!»
Если устанешь от всяких там *тем*
Звякни! Я скоро уеду в Китай».

Номер дал *левый*, о чём говорить?
Вышел пораньше, пешком доберусь.
...Если и стоило где-нибудь жить –
В том интернате, кажется, «Русь»...

ДВОРОВАЯ ИСТОРИЯ. 1949-Й

Жили впроголодь, ругались,
Били морды, жгли мосты,
Ссорились, с ножом кидались,
Разнимали их менты.

А когда дядь Ваня помер,
Ставшая вдовой, она
Не могла ложиться в доме
Ни с подругой, ни одна.

Пожила ещё немножко,
Но замучила тоска –
Убежала по дорожке
К мужу, вверх, на облака.

СЛУЧАЙ

Иду, одинокий гуляка, мимо открытого люка,
Здравствуй, дорога под землю, кого поджидаешь ты?
Я загляжусь, замечтаюсь, и рухну со скоростью звука,
встанет над люком радуга и яркие вспыхнут цветы?

Какой сантехник с рогами выдумал эту ловушку?
Я заглянул в глубины – зловоние плещется там,
Стикс сточных вод унесёт мою распухшую тушку
К скалам подземным, пустыням и мёртвым бескрайним лесам.

Вот он, призрачный город и всё, что в нём обитает.
Тускло светит сквозь тину демидовское серебро.
Здесь моя жизнь колосилась, а там она исчезает...
...Люк задвигаю руками – сделаю людям добро!

Пролетая над гнездом кукушки,
Остановлюсь, чтобы заглянуть в бездну, –
Когда тебя держат на мушке,
Заглянуть туда очень полезно.

И даже если ты ничего там не увидишь
Сам процесс многому тебя научит, –
Это как выучить за ночь *идиши*, –
(Хотя китайский было бы лучше).

Пролетая над гнездом кукушки,
Видишь себя в этом гнезде подброшенным кукушонком,
Ты толкаешься – и летят на землю твои друзья и подружки, –
А ты и не думаешь считать себя подонком...

Это законы жизни, – говоришь ты, – смерти законы,
Не я виноват – гнездо виновато...
Это что там ещё за крики и стоны?
Нечего хныкать, возьмите зелёнку и вату.

Кукушонок вырос, расправил, как крылья, купюры,
приготовился к полёту – в бизнес-классе, конечно, –
Но пули-то у охотников тоже не дуры...
И так, купюры расправив, с размаха влетаешь в вечность...

С. Манскову

*...Тебе, недобитку, внушает такую любовь
это гиблое время и Богом забытое место.
Сергей Гандлевский*

Ничего не получается,
поколения не встречаются,
разминулись на пути.
Одинокие, тревожные,
с направлениями ложными,
с пеплом Феникса в горсти,

гениальные – ненужные,
перепившие – недужные,
параллельно не сошлись.
Не узнавшие про главное,
не обласканные славою, –
мимо, мимо мчится жизнь!

Манит нас страна далёкая,
манит небо нас высокое, –
машем ручкой всем: «Привет!»
...Так уходит поколение:
не горение, а тление
скучных, бесталанных лет.

Мы, как рубль в стогу потеряны,
на бессмертье не проверены,
в землю дождичком уйдём.
Нераскрытые, забытые,
безразличием убитые,
на помойку нас, на слом!

Для чего мы предназначены –
все осталось не растрчено,
сваленный в чулане хлам.
Мы не ноем – тёрты, мечены,
мы свободой не долечены, –
серп и молот, что? Что, Храм?!

До свиданья, поколение,
не горение, а тление
планов, помыслов благих.
Нашу песенку неспетую,
бережёную, заветную,
оставляем для других...

Бабье лето, божьи коровки,
Холодно мёрзнуть на остановке,
Выпьем пива, покурим молча:
«Вот и кончилось лето, Вовчик...»

Вот и кончились бабы, Саня,
Нет никаких вестей от Ани,
Давно не звонит и не пишет Света...
Какие бабы – такое и лето!

Садись ко мне на спину, дорогая,
И поскакали, я – хорошая лошадка!
Пусть у нас не всегда с тобой всё гладко...
Но мне нравится, когда ты смотришь так – не мигая!

Я думаю о тебе каждый миг,
и каждый миг трещит по швам нервная система,
и если женщины от этого переходят на крик,
то у мужчин – совсем другая тема.

Некоторые люди живут одним днём,
А я с тобой живу одной только ночью,
Ибо лишь во тьме ты становишься огнём,
Который виден, даже если, так сказать, закрыть очи...

Ты всегда была ночной красавицей и моим персональным кошмаром!
Ты внушала не только желание, но и священный ужас и страх, –
После таких ночей я становился больным и старым,
А ты! – ты буквально расцветала на моих костях...

Я – очарованный странник, ты на всю жизнь меня очаровала!
Хотя, казалось бы, чем ещё можно удивить такого нахала?
Вот и сейчас, моя белая рубашка вдруг алой стала...
Это – настоящий пистолет? А где ты его, детка, достала?!

Постучался дикий страх
Мой скелет сидит в кустах
Мой скелет сидит в трусах
С трубкой Сталина в зубах

Улыбается скелет:
Я реален, а ты – нет

Есть странное чувство, что кто-то
следит за тобой. По пятам
он ходит, незримый, бесплотный,
всегда и везде. Тут и там.

Он рядом в кино, на банкете,
в метро в двух шагах за спиной,
он тенью ложится при свете,
а ночью он в сон твой любой

пролезет проницательней крысы
и выстроит образы так,
что ты зазубришь его мысли,
как собственный авторский знак.

Ты можешь поставить капканы
загадок, вопросов. Но вновь
ты сам попадешься в них. Раны
твои, как твоя боль и кровь.

Он в зеркале, не отражаясь,
в глаза смотрит дерзко в упор.
И совесть смертельно больная
выносит тебе приговор...

СТАНСЫ

Александру Карпову

Кухня, две рюмки, ангелов хор.
Нет, я не пьян, всё в порядке с мозгами,
Просто время сочится из пор –
И всё сильнее сочится с годами.

Эхом иду в поколениях я,
Тут я ещё не рождён, но живущий
В ликах безвестных – блестит чешуя –
Это кольчуга на битву идущих.

Я был всегда, и всегда буду жить
В ваших делах, вас собой стерегущий.
Буду не верить, и буду любить
Ангелов этих сегодня поющих.

Частая, частная, честная жизнь,
Бедность – останься порогом порока.
Жизнь – мы с тобою навечно срослись,
Крикни же им – разрывать нас жестоко...

Тихо, дружище, ангелов хор.
Замер весь мир – люди, птицы, машины.
Это душа изучает простор –
И забывает земные картины.

Олегу Ковалёву

Снег шёл весь день и, наконец, пришёл,
уставший лёг на землю и уснул...
Я в это время накрывал на стол,
я ждал гостей, я ставил лишний стул.

И не сказать, что был какой-то знак,
событие, забытый юбилей.
Я не делил, кто друг мне, а кто враг,
я ждал – и всё, я ждал к себе гостей.

Ходил по комнате, курил, смотрел в окно.
Снег был единственным, кто в этот день пришёл.
Я взял бокал, налил в него вино,
зажёл свечу и сел один за стол...

ПОТЕРЯННЫЙ ГЕРОЙ

Он как ветер, потерявший даже имя,
Пролетая сквозь игольное ушко
Обозначил для людей лишь слово – «мимо»...
Не снимая с ног изодранных носков.

Так вошёл он в нашу жизнь, так стал героем,
Весь сплошное заблужденье и обман.
Он проходит – полем, морем, горем, роем –
Залезая ветру в кожаный карман.

Он сплетённые в одно противоречья,
Между храмом и пивной его стезя.
Он идёт в толпе, расправив гордо плечи –
Не боясь, что так точнее будет залп...

1990

ПРОВОКАЦИЯ

*Рецепт таков: возьмите живого колбасуся
и сдерите с него семь шкур, не взирая на его крики.
Борис Виан «Пена дней».*

Однажды я был Гитлером. Я помню
в то время осень царствовала в мире.
Великий Данте накануне помер,
(точнее, в мраморном повесился сортире).

Я наслаждался счастьем с фрау Мартой,
она творила чудеса в постели.
Мы с ней расстались в сорок пятом, в марте,
но я храню портрет её пастелью.

Холодный ветер воеет, как в тоннеле,
свистит, разбрызгивая кровь прохожим в лица,
в сквозных отверстиях от пуль, в дырявом теле,
гуляет ветер, сквозняки, и мне не спится.

В шинель солдатскую закутавшись сильнее,
я к Сталину хожу по стопке выпить.
Он напивается, блюёт. Потом звереет.
Он одноглазый. Левый Троцкий ему выбил.

Не говорите, что я просто сумасшедший.
Всё пред конечностью абсурдно и нелепо.
Умрёт прозревший, истину нашедший,
как и бездумные, и верящие слепо.

Как звать меня? Лаура? Ленин? Беккет?
Всё к чёрту, к чёрту! И петлю скорей на шею!
...Я атеист. Молюсь обычно в Мекке.
Зимой там снег, а летом я потею.

Мне нравится быть Гитлером. Похоже,
я, как и он, родился на Кавказе.
Я весь в него: причёской, телом, рожей.
Мы с ним кораблики пускаем в унитазах.

Искусство ложности, абсурда и подобий.
Искусство логики, разумности, морали...
Жизнь – домино! Костяшками надгробий
стучите так, чтоб мертвецы вставали!

Наш шаг вперёд – всего лишь шаг на месте.
И в век двадцатый пуля прилетает
с Бородино... Шальная, и для мести
причин не может быть. Никто нас там не знает.

Есть личности в истории – Сизифы.
Им вечно камень в гору пониманья
катить сквозь глупые в незыблемости мифы,
сквозь тысячи различных фобий, маний...

Оставим разбирательства: кто правый,
кто сам подлец, а кто чужою волей.
Что ложь сегодня – завтра станет правдой.
Конец трагедии: «Актёры, сдайте роли...»

1991

...Наверное, лет десять, а потом
наступит осень. Страшно ли старенье?
По непроверенному, собственному мнению –
Страшней, чем умереть. Быть стариком –
Искусство, но суровое: колени
С трудом несут костей и воли лом,

Двух дел не сделаешь, а вот уже и вечер,
Всё чаще путаются мысли после сна:
Какая, собственно, на улице страна,
Зачем нам слава, если мир и тот не вечен?
Сидишь часами в полумраке у окна,
Сентиментален и слезлив, понутив плечи,

Уставив в точку взор свой. На ногах –
Пимы, а также две свинцовых гири,
Два полушария, два образа, два мира,
Одна бессонница, и беспричинный страх.
Старение в разгар земного пира –
Я доложу вам, это дело швах.

Не думаю, что назовусь я трусом,
Герантофобом, некрофилом... Я,
Как гумилёвская астральная змея
Меняю душу, как это ни грустно.
Там ждёт нас новая и странная семья,
И внеземной язык, и нет стихов на русском...

ОКРАИНА

Выйду в город. Эх, блин, Русь!
Здесь – напьюсь, там – подерусь.

Встречу женщину. Зайдём
к ней в квартирку, в старый дом...

Заплачу как джентльмен,
за красу её колен,

чтоб зверька того, меж ног,
берегла (раз терпит Бог)...

В гости. К маме. С ней «за жись»...
Ты не пьёшь, сын? Поклянись!

Всё! Устроюсь на завод
и вскопаю огород,

в карты больше – ни-ни-ни! –
новые куплю штаны

и курить – ну, честно, ма!
Ну, проверишь же сама!

Обещаю, что женюсь...
Мама верит. Эх, блин, Русь!

Она открыта для всех.
«Заходите без стука».
Носик, вздёрнутый вверх.
Прирожденная сука.

Дразнит, ссорит парней –
поножовщина, стычки.
Ножки, грудь – всё при ней –
этой конченной сучки.

Угостят – курит дрянь.
Независима-дерзка:
«Слышь, кирюха, отстань,
со своим дохлым сексом...»

Съёмки, ночи втроём –
«бутерброд по-французски»...
«А, плевать, раз – живём!..»
Водку пьёт без закуски.

Но как дома одна,
положив лоб на руки,
плачет тихо она –
моя милая сука...

...Я подохну в России, с её несчастливым народом,
с её холодом вечным, абсурдным смешением идей,
с её лучшими, с теми, кто в запой уходил на полгода,
когда было честнее жить в стае зеленых чертей.

Я подохну в России, с пророками в каждом посёлке,
где в тюрьме каждый пятый, а каждый четвёртый – с сумой,
где и овцы не целы, и вечно голодные волки,
где вожди все на кухнях. Кухарки их правят страной.

Я подохну в России, с её мировыми долгами,
с дураками-царьками, с пехотой, ходящей конём,
с общей мыслью: что завтра? и, Господи сжался над нами,
с русской верою в чудо, с которой живём и умрём...

КОЛОБОК

По земле катился колобок,
он не низок был и не высок –
странный.

Через лес катился, через горы,
в свой родной провинциальный город
спешил.

К маме с папой – как медаль сиял,
ничего, что стал немного мал, –
жив ведь.

К детям и родной жене спешил,
изо всех, из колобковских сил
рвался.

Останавливать никто не стал его,
ни медведь с лисой, ни серый брянский волк –
не решились.

Пропускали колобка они без слов...
Колобка... очередную из голов,
прикатившуюся с войны...

БАБА-ЯГА

Там, за деревней, под Лысой горой,
бабка живёт с костяною ногой.
Домик её на курьих ногах, –
много на крыше щебечущих птах.
Ходит согнувшись – сколько ей лет! –
кожей обтянутый жёлтый скелет.
Дразнят мальчишки Бабой-Ягой:
«Ох, отлуплю вас поганой метлой!»
Как-то холодную ночь в сентябре
я переждал у неё в конуре.
Ветхая крыша течёт давно, –
крутится старое веретено.
Стены увешаны фото солдат:
«Это всё с фронта... Вот муж мой. Вот брат».
Вышло – сестрою на фронте была:
много людей от смерти спасла.
Из-под огня на своей спине
вынесла: «Письма писали мне...»
Старость и раны забрали друзей.
Нет у неё ни родных, ни детей.
Ночи без сна длинны, холодны.
Ночи последних героев войны.

ДВЕ ТИШИНЫ

Я прожил очень много.
Больше чем жизнь.
Я прожил очень мало, –
зелен мой лист.

Я сказал очень мало –
но слова верны.
Я сказал очень много –
для одной тишины...

А. Родионову

Когда меня совсем не будет,
Я стану где-нибудь не здесь
Со злыми ангелами студень
Из одного корыта есть.

И поперхнувшись костью старой
Закашляюсь до слёз. А Бог
Дыхнёт над миром перегаром,
И выпнет душу за порог...

ДЕЛО О МНОГОЭТАЖНОМ СЕРДЦЕ

Я всегда старался идти против ветра и течения.
А это, как известно, способствует выветриванию породы.
Врач, прослушав моё многоэтажное сердце: «По моему мнению,
в вас очень много цивилизации, и совсем не осталось природы».

«Вы перенаселили своё сердце –
оно уже начало под своей тяжестью прорываться наружу,
живущие в нём – хандрят, мечтают злые и серые,
кричат о надвигающейся из пустыни вашей души зимней стуже».

«Сказать ещё более откровенно,
я почти не встретил счастливых среди ваших жильцов.
Они часто кончают с собой (вскрывая ваши вены),
и говорят при этом в ваш адрес много неприличных слов».

«М-да, неблагодарное это дело, служить убежищем для других.
Человеки не прощают никому свои слабости:
чувствуете, они бьют вас с той стороны ногами под дых,
выцарапывая нецензурщину на стенках сердца своими лапами?»

«Советую вам съездить на море и утопиться хорошенько.
Из пищи – два яйца картошки ежедневно.
По вечерам принимайте больше солнца и молоденьких женщин,
лучше рыженьких, из числа эмоциональных и нервных...»

«Спасибо, доктор», – сказал я на прощание,
и полетел, устало махая натруженными крылами.
Я и без него знал, что меня не доведёт до добра моя мания,
постоянно меняться с прохожими и птицами тремя своими головами.

Что же останется от меня, последнего умевшего так любить?
Обесмысленный, хоть и почти вечный кусок пространства,
который где-то там в астрале будет медленно гнить,
так и не заживив свои давнишние земные раны.

Нужно стать трёхголовым, чтобы до конца всё понять!
Все любят красивых... А тех, что взяли на себя ваше уродство?!
Способны ли вы делить с ними стихи или кровать,
не боясь – как святой Юлиан – разрушения родовой породы?!

Смешно? Смейтесь! Где идеалы, где герои нашего поколения?!
Сдохнем ведь бесследно, думая только о себе...
Труссы! Лишь против течения можно преодолеть реку Забвения,
и только так остаться, погибнув в этой борьбе...

1992

СКУКА СМЕРТНАЯ

Белые перчатки –
На руках мертвеца.
Ну, крутись же, рулетка,
Крутись до конца!

Загремели костями –
Ставку сделал один:
«Вбитый в чёрное небо
птичий осенью клин».

Замедляется стрелка –
И зубами скрипят –
Кто-то выиграл снова
На семь дней листопад.

По большому играют
На Лысой горе...
Начинает икона
Смердеть и стареть, –

«Я купил у старухи
Её за пятьсот,
А теперь вместо лика –
Улыбается чёрт!..»

По двору кто-то ходит,
Стучится в окно, –
«Эй, хозяин, ты дома?
Долг не плачен давно.

Да не плачь! Что ты, право,
Ты ведь всё же мужик...»
Над деревней уснувшей –
Захлебнувшийся крик.

Эта ночь им даётся –
Раз в две тысячи лет.
На том свете в палатах
Выключается свет,

В эту ночь нету силы,
Что их может унять,
Даже боги бессильны,
Даже ангелов рать!

Ох, и лютое место!
Обходи стороной!
Здесь играют в рулетку –
Иоанна главой!

Попритихли русалки,
Ведьма прячется в стог –
Нет, и леший сегодня
На горе не игрок!

В лунном свете сияют
На костях жемчуга –
От игры отказалась
Даже Баба-Яга,

А прохожий случайный –
«Будет славный бульон!» –
Ох, крутой, не споткнитесь,
На горе Лысой склон!

Где трава сквозь глазницы –
Там уже не болит...
Скука смертная – правда? –
Их кладбищенский быт?!

ОСЕННЕЕ

Осеннее солнце холодное,
Как женщина после ссоры –
Здесь не поможет обман,
Угрозы и уговоры.

Лето ушло незаметно,
Как вор, обокрав квартиру –
Дождь слюни свои распустил
По небу и сонному миру.

Но тело твоё горячо,
И мы под одним одеялом
Спасёмся с тобой от тоски –
А это не так уж и мало!

К МУЗАМ

Михаилу Гундарину

Смерть огромным богомолем
шла по лезвию ножа,
кровью мыли протоколы
с того света сторожа.

Солнце встало над страной,
день, звеня, ушёл в зенит:
с непросохшей головою
с пляжа Леты брёл пиит.

На обочине дороги
состоялась встреча их:
богомол читал эклоги,
а поэт свой акростих.

Неразбавленное пиво
молчаливый пил народ.
А поэт глядел лениво
в постаревший небосвод.

Духовой оркестр играет –
духи в дудки дуют. Вот
остановка «Кольцевая»,
ключник курит у ворот.

Саквояж, очки, рубашка.
Всё забрал? Пальто, пиджак,
с коньяком седая фляжка,
ключнику за вход пятак.

Богомол сидит в кармане
у поэта... Пять минут
им осталось жить в стакане,
если музы не спасут...

НЕСЧАСТЛИВАЯ ЛЮБОВЬ ЛЁХИ БАРАБАНОВА

На заре туманной юности...

Алексей Кольцов

1

...А в четверг я тебя убью.
Но сначала схожу на пляж
(помнишь, где мы купались с тобой
а потом опоздали в кино?).
...Буду долго ходить один
с непросохшею головой
по тем улицам старым, где мы
долго-долго бродили, пока
не забрались в какой-то сквер,
где еще был трубач-пионер,
бело-гипсовый жуткий урод.
Я пил жадно твоё лицо, твои губы!
Я жадно пил! И не в силах от жажды
спастись... утащил тебя в тёмный подъезд.

...Но тебе же понравилось так,
ты сказала – в этом свой шик,
а твои знакомые все –
кучка педиков трахнутых, и
то единственное, что стоит
иногда у них – это часы.
Тебе скучно с ними – хоть плачь...

2

А в четверг я тебя убью.
Ты не веришь? Как хочешь. Но я
тоже как бы уже не живу:
так сгустился стеклянной халвой
воздух, стала резиной – вода,
и земля под ногами кишит
мертвецами – а это не жизнь...

«Друг есть друг, а любовь есть любовь.
Понимаешь?!», – крикнула ты.
Помнишь, что я ответил тебе?!
Я сказал, что тебя убью!

3

Я сказал, что тебя убью!..
...Я теперь на тебя смотрю
из подъездов, из-за угла,
целый день на стройке торчу
против дома, где ты живёшь...
Согласись, что это не жизнь.

А ещё я почти не сплю.
Раздражителен, замкнут, угрюм.
Фотография есть у меня,
я её раза три уже рвал,
и она очень сильно болит
там, где склеил её опять.

...Это всё никогда не пройдёт.
И пока я не спрыгнул с ума,
мне тебя придётся убить.
Мы отправимся вместе туда, –
там меня ты, я знаю, простишь, –
или даже не вспомнишь про смерть, –
и опять будем долго гулять,
ездить в лес и на пляж, а в кино
будем рядом сидеть и смотреть:
ты свой фильм, а я на тебя.

Подарил отец пиджак –
На, сынок, носи.
Как одену – всё не так.
Ты, отец, прости.

Видно время мне пришло
Жить своим умом.
Сядем, выпьем за столом
Мы с тобой вдвоём.

Надо б нам поговорить –
Не идут слова.
Будем тихо водку пить –
Тишина права...

Поздняя осень. На улицах лужи
ночью мороз не спеша застеклил.
Я поцелую тебя послушно.
Это всё было. Я уже был.

Завтра проснёмся довольные снами.
Время – пора на работу бежать:
и не заметим, что под небесами
стало и нас, и Земли не хватать...

ПРЕДАННАЯ ДРУЖБА

...Не заперта дверь. Я вошёл к нему.
Туго жилось тебе здесь одному?
«Всему своё время, всему свой срок...»
Десять в записке прощальных строк.

В первых строках: «...Можно чувство спасти
только расставшись. Пепел в горсти –
всё, что возьму я в дорогу с собой.
Ложь ведь страшнее, чем вечный покой...»

Далее что-то размыло слова:
«...помнит не сердце, а голова;
если ты любишь, то будь готов
к выбору: всё – или только любовь.

Ты выбрал всех. Я тебя не виню:
порознь пойдём мы с тобой ко дну.
Только предательство дружбы мужской –
это не ревность, не женский вой.

Это – молчание. Даже *Там*
я не отвечу твоим словам».

В конце дописал: «Жизнь лишь план черновой.
Ты сделал выбор. Я сделал свой.
Будь осторожен и помни одно:
дверь заколочена. Но есть окно...»

Эту записку никто не читал.
В ванной, на стенах, кафель был ал,
тут же валялась бритва. А он –
стал, как раскисший в луже картон.

Эту записку не видел никто.
Я её спрятал быстро в пальто,
вызвал милицию – и был таков:
не нужно им знать, что такое любовь.

Вышел на улицу. Пасмурно, смог.
...Дома, на кухне, записку ту сжёт.
Горсточка пепла, ветер степной...
Всё, что осталось от нас с тобой.

СОН

День стоял – слюнявый, вялый, длинный.
Кто-то спал и видел странный сон –
Прыгает на ножках воробьиных
Жирный, с двумя хоботами... слон!

Тот, кто спал, проснулся удивлённый:
«Вот урод, приснится ж, просто страх!»
И, разгладив хвост свой разветвлённый,
Зашагал на десяти ногах.

Снег падает навзничь, как пьяный в постель, не раздевшись,
Что-то, наверное, будет, опять он без спросу пришёл,
с морозом и ветром, хватался за шубки девушек,
и падая на остановках, заглядывал им под подол.

Испачкавшись в звёздной – как дворник о стены – извёстке,
он падает не разбираясь, на головы, крыши, мосты,
на танки или на танцы, на реки, на руки, на острый
язык, коим дразнишь прохожих из форточки высунув, ты.

Ему ни к чему попаданье, он сам – «молоко» на мишени,
и в нём застревают, как пули, прохожие, ругань, авто,
он падает так, чтоб жалели – от слабости или от лени? –
так падает, с петли сорвавшись, в прихожей чужое пальто.

Новому году сегодня исполнилась ровно неделя,
ёлками праздник в квартирах, школах густо пророс.
Снег Рождества, он лежит на лавочках, детских качелях
листком телеграммы, в которой два слова: «Родился Христос».

Вон там начинается частный сектор,
я хожу в этот дальний квартал.
Набиваю вином две сетки,
папиросы беру – «Беломорканал».

По трущобам, притонам, гадюшникам,
по цыганским развратным домам
я пройдусь неподкованным Пушкиным –
чтоб познать свою родину там.

Я ищу в здешних тёмных личностях –
и бывает богатый улов –
простоты и мудрости притчевой,
откровений нетрезвых голов.

Наркоманы, бездельники, скептики,
забуддыги, спившийся люд.
Они летом у бани веники
всем желающим продают.

Здесь живёт большегрудая Маша,
я с ней сплю за бутылку вина.
«Маша, милая, радость наша...» –
никого не обидит она.

Вон идёт драматург-неудачник,
автор пьесы «Распяты́й Пилат».
Я налью ему полный стаканчик:
«Извини, что печатаюсь, брат...»

Здесь погиб не один ломоносов,
сколько репиных сгнуло тут..
И разгадки великих вопросов
в чьих-то пьяных глазах промелькнут...

1

...И воды набравши в рот
Спит река наоборот,
Спит неправильно гора –
Потому что в ней нора,
И неправильная птица
Спит во мне... А мне – не спится...

2

Остановка «Покровский собор».
Все религии – просто вздор,
Дальше идёт – остановка «Конечная».
Жизнь моя – простая и вечная,
Не проехать бы, не промахнуться...
Кольцевая – чтоб снова вернуться,
Но уже с другой стороны, –
Где ни Бога, ни этой страны...

3

Каждый знает себе цену, –
Тигр выходит на арену,
Осень дышит нам в затылок,
Осень – ночь пустых бутылок,
Глупых, мелочных обид...
Я не сплю, и Бог – не спит...

На рельсах забвения
Кровь запеклась, –
Анна Каренина
Здесь родилась...

Всё чаще душа покидает тело.
Всё чище душа, покидая тело.
Всё дольше душа покидает тело.
Всё дальше душа, покидая тело...

НЕБОЖИТЕЛИ В ОБЩЕЖИТИИ

Я скажу тебе, друг, по секрету,
Можешь спорить, ругаться со мной –
Узкобёдрая ведьма поэту
Стала больше, чем просто женой!

Большеротая громко хохочет,
Большеглазая тихо грустит...
Я люблю эту женщину, точно, –
Как наборную финку бандит!

Все теперь в удивленье подруги,
И разводят руками друзья, –
Что нашёл в этой драной он суке,
В этой ведьме, худой, как змея?!

Я на то ничего не отвечу,
Пусть о смысле вам скажет трава
Или лучше безротая вечность,
Или те, что исчезли, слова!

Она книжек – кошмар! – не читает,
Она любит – о, ужас! – кино...
Но она что-то главное знает,
Что нам, умным, познать не дано.

Огонь горит, как будто не огонь,
как будто кто-то протянул ладонь.

И хочется пожать мне эту руку,
как старому испытанному другу,

но пальцы обожгло мне... Стариком
я не забуду, как дружить с огнём;

виднее пламя в темноте ночной –
а завтра чудо станет лишь золой;

закон огня – закон и для людей,
чем выше пламя – тем сгорит скорей...

...Я спички взял, я ворох взял стихов –
и пламя в пламени взвилось до облаков!

Пусть мой безумный, жертвенный костёр
ворвётся в небо, выйдет на простор!

Стихи любимые! Гореть вам до зари...
А там – как вывезет... Гори, огонь, гори!

Язык огня древнее наших лет.
Я повторяю пламени вослед:

«Огонь горит, как будто не огонь,
как будто кто-то протянул ладонь...»

На самом дне
пистолета Макарова,
Я лежал одинокий,
как девочка старая,

Я лежал одинокий,
забытый, пропавший,
Но зато – самый честный,
зато – настоящий!

Как последняя пуля
на дне пистолета,
Как последний цветок
на окраине лета,

Я боялся дышать –
шорох, порох, и – взрыв!
Вам знаком этот страх?!
Этот дикий надрыв?!

Вот пальнут мимо цели,
пальнут в «молоко»...
Пулей жить очень трудно,
пулей жить – нелегко!

Если долго лежишь здесь,
не зная любви,
Очень быстро захочешь
искупаться в крови.

Как последняя пуля,
как последний звонок...
Может выстрелом этим,
я кому-то помог?!

Я ценю вашу ласку,
теплоту ваших рук...
Я для вас самый ценный
и проверенный друг!

Надо мной шепчут тайны,
и рыдают порой...
Я такой же пропащий,
человек мой родной!

...Не раздевшись, лёг в спальне –
Он был так одинок...
«Ну, до встречи на небе...», –
И нажал на курок.

Друзья уходят, оставляя после себя воронку,
Фонящую воронку, как после большого взрыва.
...Стоишь на сцене, в окружении юных подонков,
Одинокий старик на грани нервного срыва.

Кто-то после смерти обращается в прах, а кто-то в порошок,
Тот, кто хотел быть всем – всем и будет,
Но для этого надо поднять бунт на корабле, а не наводить тихий шорох,
Гласная буква, не ставшая согласной цифрой, уже не подсудна.

Много нас было на примете, ещё больше на мушке,
Много мы запланировали, да ничего не успели,
Сняли с нас культурный слой, когда снимали стружку,
Надо было кричать во весь голос, а мы шептали еле-еле.

Говорят, чтобы остаться на месте, нужно быстро бежать.
Мудрее отшельником просидеть всю жизнь на берегу речки.
Рояль в шкафу, скелеты в кустах, нас – миллионы, нас – рать!
Друзья уходят в ночь, я не закрываю дверь, говорю – до встречи...

Хорошего человека должно быть мало, а плохого – вообще не быть.
Друзья мои! Любовь не проходит, даже если мы проходим мимо!
О чём молчал *здесь, там* буду с вами без умолку говорить,
Обо всём прекрасном, что на человеческий язык непереводаемо....

А. Л.

Повтори её имя сто раз – и имя исчезнет.
Оно растворится в стихах, молитвах и песнях,
оно станет чем-то иным, иное – не мучит,
оно станет тем и другим, что выше нас, лучше.
Об имени том вспоминать я больше не буду.
Пусть этой поверят любви, как сказке и чуду,
пусть скоро забудется всё – отныне я знаю,
что значит любить, и когда – любовь убивает..
«Теперь я свободен...», – шепчу, но сам я не верю,
что хватит мне сил не войти в открытые двери,

ведь тело твоё – только плоть, приманка для духа,
и есть уже время, когда ты станешь старухой,
и нет ничего, что спасёт тебя от забвенья...
Забыть, как бежали мы в дождь, мелькали колени,
купили билеты в кино – и внутрь, от потопа,
а там, на экране, ковчег плыл, вроде, в Европу,
библейскую долгую ночь в ряду предпоследнем,
мы плыли в ковчеге – и Бог шёл по морю следом.
Я голос запомнил, как ты сказала: «Сегодня...»
И мы целовались весь фильм – смешно, старомодно...
...А имя твоё я забыл. Но видел однажды
как пил это имя другой, спасаясь от жажды...

2002

И вот приходит некто в чёрном,
На кухне, сев на табурет,
Всю ночь вещает монотонно
Свой омерзительный Завет.

Сквозь эти гадостные мысли,
Сквозь плеск летейских, гиблых волн,
Он подзывает тихим свистом
Мой самый страшный, детский сон,

В котором я, в бумажных латах,
В какой-то гнилой дыре,
На век запряган в непонятном,
чужом, нерусском словаре.

Он улыбается похабно,
Снимает чёрный свой камзол,
И изменившись многократно,
Все восемь рук кладёт на стол.

Я предлагаю выпить чаю,
А он кривит в усмешке рот,
И я со страхом понимаю –
Мой фокус больше не пройдёт.

Я проиграл ему все битвы...
Он шепчет – выбирай скорей:
Яд, пистолет, верёвку, бритву.
Ну что же ты? Давай, смелей...

Откуда ты пришёл – не знаю,
Куда уйдёшь – не знаешь сам:
Твой мир – без центра и без края,
А имя знал ещё Адам.

Мы квиты! Ты молчал о главном,
А я про ложь твою молчал,
В союзе подлом и бесславном
Ты жил, а я лишь прозябал...

Не проповедуй мне о Боге,
И Люцифером не страшай, –
Я вспомню обо всём в дороге,
Когда покину этот край...

1
Какой-то таинственный плотник сегодня
улицы города серым дождём,
будто забором дырявым, негодным,
загородил, гремя гром молотком.

Молнии он, словно гвозди, вгоняет,
Что-то под нос себе бормоча...
Всюду ручьи – и уже не воняет
возле подъездов людская моча...

Каждый вам скажет – забор этот трудно
и оббежать, и объехать порой...
Девушка в платье, прилипшем на грудке,
туфельки сняв и свободной рукой

платье подняв, обнажая колени,
быстро бежит по лужам домой.
Что ты ей, дождь? Не боясь ложных мнений,
громко смеётся сама над собой!

Долго льёт дождь. Ни одной в мире нитки,
кажется, он не оставил сухой.
Плотник забор сколотил, но калитки
в этом заборе дождя – никакой!

2

После грозы, когда солнце, умывшись,
(словно с похмелья глаза разлепив)
бухнет телом лучистым на крыши –
стройные ножки в ванне помыв,

девушка та, что бежала по лужам,
выйдет в халате к себе на балкон...
Вот для кого дождь прошедший был нужен,
чтоб ещё раз подтвердить тот закон

о красоте, для которой преграды
только на пользу. Они для неё –
средство спасенья, незримые латы,
то, что зовётся святое враньё, –

точно угаданный фон или рама,
что дополняет картину собой...
Только в бою ведь становится знамя
истиной, жизни дороже самой...

Если верить кондуктору, скоро конец пути,
Это ещё не конец света, но где-то близко,
Я могу успеть поцеловать тебя и сказать – прости,
И зарыдать: «Ну что же ты, Лизка...»

А ты будешь молчать и умрёшь у меня на руках,
Но это лучше, чем в ногах какого-нибудь подонка.
Есть многое, чего я боюсь, но настоящий страх –
Твоя глупая смерть, пустота и ангелы, стоящие в сторонке...

Город был для ливня мал –
он в него чуть не промазал.
Листья бешено листал
ветер на деревьях грязных.

Расколовшийся бетон
неба падал на прохожих:
ливень топал, словно слон,
брызгая людей в проходы.

Косами ручьёв оброс
лысый череп гладких улиц.
Город принимал и нёс
капли точные, как пули.

А потом в тиши лежал
весь в следах размокшей глины.
Мальчик это понимал.
Мальчик был душой картины.

ПУШКИНСКИЙ ЦИЛИНДР

Кафе «Стойло Пегаса». Год 1922

В «Стойле Пегаса» народ – не пробиться.
Странный бывает, сомнительный люд:
шлюхи, ворьё, из провинции лица
(очень подробно котлеты жуют).

В прошлый четверг полупьяный Есенин
стукнул бутылкой кого-то по лбу.
После, лаская девице колени,
всё обещал, что откроет стрельбу.

Мариенгоф в элегантном костюме
пил небольшими глотками вино.
Как-то зашёл Маяковский, угрюмо
бросил, что «Стойло» пропахло говном...

В. Шершеневич читал свои вирши,
(будто кому-то стихи здесь нужны),
нэпман с моноклем, бутылку открывши,
выдал: «Названья весьма недурны...»

В тёмном углу осторожно на спичках
нюхала (тс-с-с!) кокаин молодёжь...
«Вы мне за всё ответите... Лично!»—
крикнул один из них, выхватив нож.

Прямо у сцены стрелялась курсистка:
«Леночка просто обьяелась стихов, —
дамы шептались, сидевшие близко. —
То кокаин, то по пять мужиков...»

Старый артист проститутке о чём-то
шепчет на ухо, пуская слезу.
А на стене всё понятно и чётко:
Троцкий железную доит козу.

Стены в заплатках подобных художеств.
Каждый своё что-то пишет на них...
...Время убийц и миндальных пирожных.
Синяя птица из марксовских книг.

«Игра в классики»

...Не прошёл бы,
если бы не Хлебников.
С ним пропустили.
Хотел спросить:
где Пастернак?
А это и есть Пастернак.

Долго бродили
в лабиринтах домов:
весна с запахом улыбок,
хлеба из булочной,
люблю...

(В проходном дворе
мелькнул молодой Маяковский.
Что-то крикнул так громко,
что из носа пошла
кровь.
Не поняли.)

Возле булочной Ходасевич и Брюсов
познакомили с А. С. Пушкиным.
Стало стыдно, что раньше
не был знаком.
Весёлый,
всё норовил надеть мне на голову
свой цилиндр.

Потом задумался,
взял за руку,
вывел за город
в чистое поле:
дальше —
иди сам.

ПОМИДОРНОЕ СОЛНЦЕ СВОБОДЫ

Москва слезам не верит
Москва стихам не верит
Москва себе не верит

Живи в провинции

Плач если хочется
Смейся когда хочется
Пиши стихи о чём хочется

Провинция пока ещё верит

пока
ещё

сегодня утро будет громким
как марсианское вторжение
бездомный телевизор тычет
тупую морду мне в ладони
как лысина у казнокрада
блестит поверхность лужи утром
на льду прохожий поскользнулся
ударив в небо кулаками
народу соберётся будто
на погребенье Атлантиды
попробуй обойди их взглядом
не зацепясь за жирный хобот
мне нравится играть с драконом
то в революцию то в карты
жить – ярко, умирать – красиво
с триумфом театральной сцены
и пусть дурную бесконечность
бессмертием глупцы считают

в постели выпил чашку кофе
потом зевнул
и застрелился

1988

мой дерзкий друг
нам цезарь подзаборный в память
поймает вшу чужой рекламы

из года в год
роднящий слог невинный
ты мне приносишь жалуясь убийством

я был готов себя
закрасить чёрной краской
войдя в закон стены –
от боли вянут камни

– забудь! –
сказала ты

я стал жестоким стеблем
растущим выше всех
и не дающим тени

1986

О ПЕРВЫХ И ПОСЛЕДНИХ

я целовал тебя полётом наудачу
и разукрашенные гибли песни детства
я ревновал тебя шутом забывшим радость
от вылетевшей из ладони птицы

я знал в тебе раннюю тайну невесты
и крик был похож на возможности выжить
но ты выбирала того кто был первым
любою ценой хоть продав пистолеты
стрелявшие в нас на дуэлях бессмертных

отравлено сердце дыханием Леты
кто верит – увидит танцующих ангелов
кто знает – тот в утреннем зареве крестится
кто любит – себя не находит в покойниках

кто встретится – пусть разузнает в подробностях
не скучно ли жить когда рядом лишь первые
не тянет ли встать в нашу очередь гиблую
спросив чуть дыша:
«Вы последними будете?»»

1986

ПОКИНУТОЕ ЖИТЕЛЯМИ ВОСКРЕСЕНЬЕ

каждый был свободен в этот день –
жених был свободен дарить цветы
невеста врать что любит его
места в театре чтобы ставить в укор
карманы свободны вмещать пустоту
студент был свободен от всех долгов

Каин свободен брата убить
руки свободны бутылку открыть
Гамлет свободен решать пить не пить

я был свободен в тот день выходной
ты была свободна но ушла с другим

который был занят
самим собой

1986

ДЕЛО ЛИНЬ БЯО

труп номер 8
спросил у трупа номер 2
кем он хочет быть?

труп номер 2
ответил:
трупом номер 5

«Среди вещей принадлежащих
убитым
был обнаружен пропуск номер 002»
на тот свет на имя трупа номер 2
и когда они всё это аккуратно
обсудили в течение вечера
то сказали:
«Ну что ж
вещи слава Богу
собрали
будем помаленьку
вешаться»
а потом написали
«могила 9 (девяти) товарищей
погибших 13 сентября 1971 года
на самолёте китайской авиакомпании»
внизу подпись: «СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ.
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.
ВНОС СТЕКЛЯННОЙ ПОСУДЫ
И СПИРТНЫХ НАПИТКОВ СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
ПРИЕМ С 7. 00. ДО 18. 00. КРОМЕ СУББОТЫ –
САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ.
ответственный за противопожарное состояние
могил – труп номер 8»
.....
.....посол дал согласие
и поблагодарил Бога за
дружеское участие
в дальнейшей карьере трупов
и когда они всё это аккуратно обсудили
в течение вечера
стороны перешли к злободневной проблеме
опознавательных знаков для трупов
чтобы в городской толпе
их не путали с живыми
«...позже, каждый из нас,
вспоминая об этом чувствовал, насколько
смехотворны
были наши действия в этот момент».

...и когда они всё это
аккуратно обсудили в течение вечера
труп номер пять
обратился к трупу номер два:
«Ну что летим в Гонконг?
Хотя нет, полетели-ка лучше к чёртовой бабушке,
в Россию –
к Брежневу».

1987

на каменных полотнах стонет ангел
забыв себя он выбрал женский облик
и растрепав все перья в поцелуях
упал на Землю
став последним смертным
живущим после ядерного взрыва

на каменных полотнах битва красок
бушует в общих снах пяти влюбленных
рождённых в странах разных и эпохах –
она Джульетта он безногий Мастер
он Кришнамурти а она Двуххвостка
а пятый тот что любит всех –
под камнем
он ждёт минуты светлой воскресенья

на каменных полотнах жирный профиль
мальчишки что мечтал о громкой славе
но деньги-деньги
деньги-деньги-деньги
он пьёт коньяк
и пьяный врёт в три горла:
«не я – не я свернул Сенеке шею»

на каменных полотнах волны моря
давно уже ушедшего в отставку
убитого спросонья Черномором

который спутал море с кружкой пунша
он крикнул: «Пушкин!»
а убили море

на каменных полотнах нас не будет –
египетских просторных манускриптов –
здесь только не рождённые шедевры
грозящие стать камнем обручальным
могильным камнем в кровавых заплатах

1987

РЕКВИЕМ

империи живут лишь время
потом оценят их значенье

из возмущившихся осколков
не пожелавших жить в забвенье
историк строит храм величья
не видя как с небес набухших
глаза свисают словно капли
готовые вот-вот сорваться –
милльоны их на тучном теле
трясущемся от страха смерти

Россия поднимает флаги:
и над Рейхстагом и в Гулаге
мы не забудем тех кто верил
и в детской вере был обманут
кто сочинял громадность планов
а наградил себя убийством
кто на вершины лез потя
не для публичного загара

для необдуманных поступков
кроплёных кровью сплетен бунта
в отторгнутых ушных воронках
в глазах свисающих как капли

для всех нашедших счастье в риске
кто с пулей в голове не рухнет
устав от логики абсурда –
язык не ляжет как надгробье

Россия поднимает флаги:
и над Рейхстагом
и в Гулаге

1988

разбив стекло в окне медузы
проникну в океан как взломщик
себя найду в икре
проверю –
ну, как я, цел, и всё на месте?

так начинается во мгле
спираль истории крутиться
знакомые до тошноты
века проходят вереницей

вновь появляются герои
цветущий Рим
падение Трои
Нерон со Сталиным в обнимку
ведут успешно штурм Нью-Йорка
Наполеон в дырявых кедах
из Африки бежав с позором
стал чемпионом Атлантиды
убив Дантеса на дуэли

так крутится спираль
всё больше
виток всё ближе он с годами
и может миллионпервый
мой правнук
вновь икринкой станет
которую с другими вместе
себе на булку я намажу

1988

БУНТАРЬ НА ПЕНСИИ

Когда-то он хотел
Переделать весь мир –
Сейчас пытается обустроить
Свои шесть соток.

Тогда он был полон надежд –
Сейчас
Знает им цену.

Внучка Маргарита
Помогает выращивать
на клумбах маргаритки.

Мастер заслужил покой.
Но мастер не заслужил света.

За свет и воду
Кстати он платит исправно.

В рифму писать
как вприсядку ходить
Сказал Лев Толстой

Пишу верлибры
Учусь летать

Целый день
гонялся за ним по полю.

Но так и не смог
обогнать
растущий подсолнух...

ЧЁРНЫЕ СТИХИ О СВЕТЛОМ

1

Хемингуэй,
Заядлый охотник,
Убил всех животных
Каких хотел.

Залил кровью
Зелёные холмы Африки.

На кого бы ещё поохотиться?
Думал-думал,

Достал любимое ружьё
И открыл охоту
На себя.

Парень-Не-Промах.

Не промахнулся
И в этот раз...

2

Знаменитый Джек-Разбрызгиватель.
Так прозвали
Джексона Поллока.
Он стал богатым и модным
Разбрызгивая краску по холсту.

Разбрызгивал-разбрызгивал,
А когда наступил кризис
Создал свою самую гениальную
Картину.

Пьяный разогнался на машине
И влетел в дерево.

И разбрызгал,
Так сказать,
Свою кровь и мозги
По пространству...

3

Бухгалтер Кукушкин
Мечтает стать Пушкиным.
Балы, банкеты, дамы полусвета...
(Есть ещё просто девушка Света).
«Но можно как бы это... без дуэлей?» –
Стесняясь, тихо спрашивает бухгалтер Кукушкин.
«Если быть Пушкиным – без дуэлей нельзя», –
Отвечает бог всех искусств Аполлон.
Бухгалтер Кукушкин вздыхает.
«Да ну эти стишки!..»
И возвращается к своим цифрам и отчётам.

4

Все люди как люди.
Все дети как дети.
А с этим мальчиком, что не так?
Носится по школьному двору как угорелый,
Будто боится чего-то не успеть.
«Непоседливый, вёрткий, задиристый», – говорят учителя.
«Как тебя зовут, мальчик?»
«Сашей... Александром».
«А фамилия?»
«Пушкин».
«Ясно... Может, ты лучше сегодня
В тире потренируешься?
Чем гоняться-то по двору за девчонками?
Пулевая стрельба и так далее?..»
«Успею!..»
Как знать, как знать...

Маленькая девочка
со смешными косичками
в коротеньком оранжевом платьице,
полчаса с восхищением
рассматривает что-то
в витрине магазина:

улыбается, шепчет губами,
теребит складки платица,
пританцовывает.

Подошёл, посмотрел.
Ничего интересного.
Цветок, как цветок.

Хочу видеть мир
её глазами.

Когда в деревне,
перевернувшись на лодке,
утонули трое мальчиков,
Сеня – деревенский дурачок,
взял в конюшне бич
и пошёл сечь реку.

Вся деревня собралась на берегу,
ничьё лицо не исказила нелепая ухмылка,
никто не сказал ему: «Это неразумно,
ну что ты делаешь? Перестань, дурак!»

Секи её, Сеня, до изнеможения.
Отныне
никто в деревне
не посмеет назвать тебя
дураком.

Они растворились друг в друге
Без остатка
Вернее
осталось мокрое место

Солнце высушило и это пятно

Конец ещё одной вечной любви
И любовной вечности

Листопад закончился
Осень сгребают в мешки
Вывозят за город

Голые деревья
Пустые улицы
Мир замер в ожидании

Тишина

Всё готово для встречи
Её высокого высочества
Её великого величества

Снежной Королевы

Малая родина –
Камень на шее утопающего

Или утянет на дно
Или выплывешь
К другому берегу

Шерлок Холмс
на старости лет
стал разводить пчёл
на холмах Суссекса
пишет
доктор Ватсон

Какой прекрасный символ

Кто-то ещё при жизни
превращается в пчёл
несёт нам свой мёд

а кто-то в мух
и окончательно тонет
во вселенском
говне

последний одуванчик
обманулся теплом бабьего лета
качает седой головой
всё никак не может поверить
тёмная туча на горизонте
осенний ветер в лицо

прощай

ПАМЯТИ Э. Э. К.

...я просто сказал ему: вот видишь, пришла весна.
Но он не поверил:
нет, не вижу.

Ты тоже говорил ему, что пришла весна,
Снегурочка говорила ему, что пришла весна,
Русалочка говорила ему,
Красная Шапочка шептала ему,
Дюймовочка кричала ему,
Спящая Царевна намекала ему,
Золушка писала ему,
Белоснежка читала ему, –
он не верил:
нет, мадам.

Пока здоровенная сосулька
сорвавшись на углу
проспекта Ленина и улицы Пролетарской,
угодила ему в темечко –
и наконец, втемяшила.

балалайка – русское хокку
три струны
а столько смысла

ДЕРЕВЯННЫЙ ВЕРЛИБР

Сел на сук
Перегнул палку
Стал в доску свой

Сыграл в ящик

1

Бог с тобой
Бог со мной
Бог с ними
Бог вернулся
Бог везде

Человек пропал

2

Строил воздушные замки
Рухнули замки
Раздавили человека

То ли замки не воздушные
То ли человек – не настоящий

теряю друзей ключи зонтики
зубы волосы книги деньги

пришёл на берег реки
гляжу на закат –
какая находка

Падает снег,
Снег
Падает...

Вдруг пронзает мысль –
Может быть,
Вот эта снежинка
У меня на перчатке,
Касалась на небе
Лица Бога...

Задумайтесь:
берёзы –
седые волосы Земли.
А больше всего берёз
в России...

ПОКОЛЕНИЯ

Мой прадед
вернулся в 1918 году
с Первой мировой войны
живой,
проносив с собой в вещмешке икону
Богоматери со Спасителем.

Мой дед
вернулся в 1945 году
со Второй мировой
живой,
проносив у сердца партбилет.

Мой отец
вернулся в 1963 году
с войны «физиков» и «лириков»
живой,

проносил в сердце
образы Че Гевары, Хемингуэя,
Ремарка и Твардовского.

Мой брат
вернулся в 1984 году
с Афганской войны
живой,
проносил в кармане
фото любимой девушки.

Если к святыне
постоянно прикладываться устами,
то её можно разрушить
поцелуями
до самого основания.

Я спал на Бунине...
Была крутая пьянка.
Как шесть томов в постели оказались –
Не помню, но догадываюсь: верно,
Так *ослоумием* блеснуть вчера решили
Мои приятели... Продрав глаза, увидел
На небе солнце – значит, уже утро.
На бельевой верёвке, на балконе,
Сидела стрекоза и улыбалась.

Так я лежал и до обеда слушал
Шум города. Опохмелиться нечем.
В виски стучат, как в запертые двери,
Во рту пустыня – завелись верблюды
И тут же сдохли – испаренья, яды.

Чтобы отвлечься, бунинские книжки
Пролистывать я взялся. Так тоскливо
Мне стало: сволочно, паскудно, грустно.
Вдруг, честно, без иронии подумал:

Куда идёт спешащею походкой,
С засунутой под мышкою свободой,
Как с палкой колбасы, моё родное,
Местами пьяное, младое поколеньё?
На торг? На «дело»? В университеты?
Чтобы дерзать и множить? Притворяться,
Что занят чем-то важным, нужным, вечным?
Запрятаться в науку? Сделать степень,
Стать где-то «членом», сохнуть по архивам,
Копаться в пожелтевшем пыльном хламе
Бумажном и мечтать открыть такое,
Чтобы плешивые, беззубые коллеги,
Измученные язвами, бронхитом,
От зависти скончались на Совете
Учёном? А в журнале написали
Три строчки мелким шрифтом
О находке такого-то в «архивных катакомбах»?

А может стать барыгой? Доллар в помощь!
Скупить последнее, что от страны осталось,
Наладить ловко офис, связи в банке,
Коттедж, машину и, вписавшись в стаю,
Жить по закону (верному отчасти):
Кругом – враги, и двигаться вперёд
Возможно, лишь сбивая с ног соседей...

А дальше – что?! Лет тридцать, сорок? Дальше?!
Такому вот, как я, который мыслит,
О чём-то там мечтал, когда был молод?
А ничего, потом – в два направленья,
И до тебя, и после – вечность, то есть
Забвение...

Так думая, читал я
Бунина, который всеми признан
Последним русским классиком, и будет,
Наверно, долго попадать в постели
К таким вот охламонам, заставляя
Отвлечься от своих побед ничтожных,
Хотя бы так задуматься о вечном,
Сокрытом в заповедном русском слове,
Которое останется вовеки.

Вчера позвонил Господь
Я так обрадовался
Хотел о многом спросить
Многое рассказать
Кое-что попросить
А Он
Просто ошибся номером

В МУЗЕЕ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ

Александру Терентьеву

Меня окружают волки,
Волки всё ближе и ближе,
Волки совсем уже рядом,
Первый волк – это я.

А там, на пути их – охотник,
Стоит, одинокий охотник,
И целится из ружья.

Я думаю, этот охотник,
Который метится в волка –
Надеясь попасть прямо в череп –
Охотник, он – тоже я.

Слышали выстрел? Не знаю.
Успел ли стрелок? Неизвестно.
И как я живу – непонятно,
В мире, мне незнакомом,

Как на картине в музее,
Там, где охотник и волки, –
Охотник с последним патроном
И волк, что нацелился в горло...

В парке на лавочке,
В очках, с вечной толстой книжкой в руках,
В тёплой кофте,
Каждый день жаркого лета –
Никого и ничего не видит вокруг.

А когда-то был ещё шанс...
Старая дева с невинной душой, –
Полвека
На страже отечественной литературы.

Засохший цветок
Между страницами Ивана Сергеевича Тургенева.

Полночь
Лето
Мне восемнадцать
Конец восьмидесятых

На последнем автобусе
Возвращаюсь из клуба
Рядом молодой рабочий с завода
Едет со смены
Уснул в духоте
Испарина на лбу
Худое лицо
Под ногтями траурная кайма
Свои чистые ухоженные ногти
Я почему-то прячу в карманах джинсов
Неужели мне стыдно

Через неделю ушёл в армию

Она гуляет с тучкой на ниточке.
(Или это воздушный шарик?)
Где засуха и страшная пустыня –
Её тучка прольётся дождём,

Где жара и пекло –
Тучка даст тень.
Где серая слякоть –
Тучка станет ярким воздушным шариком.

С каждым годом
Её тучка всё меньше –
а девочка всё старше.
Когда тучка исчезнет –
Девочка станет взрослой.

И перестанет верить во всякие там
Тучки на ниточке.

Пылает в моей памяти
Ярко-оранжевое пламя
Твоего летнего платья

Вечный огонь
На могиле
Нашей любви

Лето стремительно
Беги не оглядываясь
Не останавливайся

Даже если камешек
Попал тебе в ботинок

ОЧЕРЕДЬ

Следующий

Год рождения
Годы учёбы в школе
Годы службы в армии
Год женитьбы

Год рождения сына
Год покупки машины
Годы работы
Год выхода на пенсию
Год смерти

Следующий

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

1

Мой старший сын
хочет быть банкиром

Мой младший сын – ему три года –
играет в Бэтмена –
борется с мировым злом
в первую очередь – как я понял –
с банкирами всех мастей и возрастов

«Папа поиграй с нами», –
просят они

Мелькают годы
а я всё никак не могу определиться
с кем я –
с Бэтменом или банкиром?

2

Давай играть в войну –
говорит сын
у меня десять жизней
у тебя пять –
начали?

Если бы – горько усмехнулся я –
если бы даже
у меня было пять жизней
я бы ни за что
не стал играть в войну

Раздавленный пёс
На шоссейной дороге,
Раскатанный машинами в лепёшку.

Поднимите его.
Выше.
Ещё выше.
Вот твоё знамя,
Цивилизация.

Поэзия должна быть глуповата...
Пушкин

Поэзия должна быть краеугольным камнем...
Поэзия должна быть умом, честью и совестью каждой эпохи...
Поэзия должна выйти на площадь...
Поэзия должна жить в башне из слоновой кости...
Поэзия должна быть Прекрасной Дамой...
Поэзия должна быть Василием Тёркиным...
Поэзия должна быть серьёзным подспорьем...
Поэзия должна быть для слов тесной...
Поэзия должна быть для мыслей просторной...
Поэзия должна быть созидающей и направляющей...
Поэзия должна быть дыр бул щыл...
Поэзия должна быть простой как мычание...
Поэзия должна быть высоким косноязычием...
Поэзия должна быть энциклопедией народной жизни...
Поэзия должна быть ездой в незнаемое...
Поэзия должна быть штыком, кнутом и пряником...
Поэзия должна быть...
Поэзия должна...
Поэзия...
Поэзия никому ничего не должна.

Зима на планете
кончилась Третья мировая

медленно падают снежинки
пробивая
броню на танке

КЛЮЧИ ОТ ПОЛЯ

Вот так сидеть и ничего не делать.
Смотреть вперёд – там дождь сшивает поле,
Как скатерть старую, в прорехах, дырах, пятнах
Оставленных людьми, а дальше – горы,
и море, и возможно тоже жизнь.
Почём я знаю? Мне это не важно.
Стихам необходима лень и праздность;
Четырнадцать часов прекрасной лени,
И десять – праздности, чтоб не мешал никто.

Дождь завершил работу и уходит.

Когда забудешь имена и даты,
Пароли, явки, правила, законы,
Все обещанья, глупые советы –
Тогда и приходи смотреть на поле.
В футболках, джинсах, кедах – мудрый Будда,
Христос и Магомет. На ржавых рельсах

Сидят и смотрят, как заходит солнце.
Красиво, правда? Поезда не бойся –
Ведь здесь тупик, трава, и нет движенья.
Мазутом пахнут шпалы, гравий, мусор,
Сортир дощатый завалился набок,
Летают бабочки и тишина вокруг.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Иди пока, ладно.
Пока живи.

А если что –
сосулька сорвётся
с крыши,
или выпьешь воды
на глоток больше, чем нужно,
или косточку проглотишь,
красивую, вишнёвую,
или иголкой уколешься,
или,
или,
или...

В сущности, тебе-то
какая разница?
Скажут –
несчастный случай,
что ж, бывает,
судьба, так было угодно...

А пока живи, ладно уж.
Наслаждайся, как говорится,
красотами брэнного мира.
Иди пока, ладно.

Ну что ты встал,
как вкопанный?!

где-то в далёком царстве небесном
(я не найду в это царство дорогу
впрочем меня туда и не пустят)

спит моя мама на мягкой кровати
спит мёртвым сном так устала от жизни
что не проснуться и не шевельнуться

спасибо архангелу Гавриилу
он не спешит будить её дудкой
ходит на цыпочках по облакам
и говорит всем встречным
ангелам и святым: тс-с-с...

МУЗЫКАЛЬНАЯ СКАЗКА

На огромной-огромной сцене
стоял очень маленький мальчик.
Он видел улыбки в зале,
он знал, что ему не верят.

«Кто не верит в меня, в мою скрипку,
пусть убирается к чёрту!
Катитесь из этого зала!» –
крикнул в отчаянье мальчик.

Стульями двигая громко,
презрительно улыбаясь,
публика удалилась.

Но один человек остался.
В том огромном, холодном зале –
один лишь остался зритель.

Преданными глазами,
горящими от восторга,
смотрел он на юного бога.

Один человек остался.
И звали его –
Сальери.

ОТРЫВОК

Создателю в единый миг видна
вселенная, без всяких разделений
на будущее, прошлое, и время
известное в народе как сейчас.

Сейчас и навсегда –
два странных слова,
которые тождественны для Бога.

Нам никогда не хватит сил понять,
что всё это он видел, помнит, может
и написал тогда ещё, впотьмах.
А мы ролей-то собственных не знаем.
Но декорации – они сохранены.
Они хранятся где-то... Скажут – время!
Найдётся ключ от полусгнившей дверцы,
вся в паутине вечность отворится,
и будет явлено,
что числится пропавшим.
Вы не волнуйтесь, скоро скажут – время!

Эйнштейн рехнулся, написав про это.
Он повторяет, будущее – в прошлом,
а прошлое зовётся настоящим,
ничто не движется – и время не течёт.
Всё уже есть – чего вам не хватает?
Реален сон, как яблочный пирог.
Пирог не хочешь? Ешь свою овсянку.
Привет Платону, встретимся в Египте.
Работа будет – Моисей божился!..

ИЗБРАННОЕ

чем пахнет хлеб
хлеб
пахнет хлебом

чем пахнет яблоко
яблоко
пахнет яблоком

почему я люблю тебя
люблю
потому что люблю

Всю ночь поёт сверчок
Мне спать не даёт.
Да иди ты к Басё!..

Темно
Лампочка перегорела

Или это я
Перегорел

ТРЕТЬЯ РЕЧКА

...Мы должны были преодолеть
Двенадцать каскадов,
Двенадцать ступеней,
горной речки, которую здесь,
на Телецком озере,
все почему-то называли
Третьей.

А она была для нас – первой,
И самой важной,
А мы преодолели
Только восемь,
Только восемь
Тяжких водяных ступенек.

По пояс, а иногда и по горло
В ледяной воде
Втроём мы карабкались
На самый верх.

Я, сказать по правде,
Отказался бы от этой безумной затеи
Гораздо раньше,
Но с нами была Женя,

Красавица Женя,
Дикарка Женя,
Удивительная девушка!

Как я мог повернуть назад
Раньше других?
И мы карабкались вверх.

Глеб, мой московский друг, поэт,
Очкарик и язвительный интеллеktуал,
Показывал – как и я! –
чудеса сноровки и выносливости.
Это было для нас даже интереснее,
чем восхождение на Парнас.
И уж, по крайней мере, в чём-то
Гораздо важнее.
По-мужски, гораздо важнее...

Мы не хотели уступать друг другу.
Ведь победителю может достаться всё,
И это всё карабкалось впереди нас –
В красивом и открытом купальнике.

И мы карабкались вверх,
Не видя красот природы,
а видя только упругие ягодицы,

и молодые, тренированные девичьи ноги.
Вода Третьей речки была ледяная,
А Женя – даже на расстоянии –
Такая горячая!..

...А когда мы забрались на самый верх,
Преодолев эти двенадцать каскадов,
Все в садинах и синяках –
Мы были счастливы, по-настоящему счастливы!
Мы продрогли
И поэтому – клянусь, только поэтому! –
ну, правда, только поэтому! –
чёрт, только поэтому! –
Я обнял красивую девушку Женю,

А с ней –
Третью речку, и это глубокое небо,
И эти бессмертные горы.
А Глеб стоял рядом,
Вертел в руках разбившиеся о камни очки,
Близоруко шурился
на двенадцать каскадов внизу
и язвительно улыбался.

иногда поэзия чтобы выжить
прикидывается мёртвой
хищники думают – падаль
и проходят мимо

читаю Бодлера

а лето красное всё не кончается
а стрекоза всё поёт
а поэзия всё живёт

красивая бабочка
села мне на плечо

наконец-то
я стал для них своим

открыл грецкий орех
жую содержимое
становлюсь деревом
просто деревом
мудрым деревом

дубиной стоеросовой

Тихий океан, песчаные часы...
Времени было – целая пустыня!
Осталась одна песчинка.
Достать платком, как соринку из глаза...
Текут слёзы...

стучится моё верхнее сердце
бьётся моё нижнее сердце

увидел тебя

спрятаться в сейф
кожаный
минут на десять

и снова в небо

Фома Неверов
побывал на небе
видел Бога и ангелов

вернулся на землю
стал искать человека

до сих пор ищет
дурак несчастный

мы ангелы внутреннего сгорания –
сгораем внутренне
и становимся ангелами

ДЕНЬ И НОЧЬ ВЛЮБЛЁННЫХ

В ночь
перед днём
Святого Валентина,
с 13 на 14 февраля,
в Сибири обычно холодно.
Морозы до тридцати,
а то и до сорока ниже нуля.
Святому Валентину
жалко людей, и он идёт к Богу:
«Убавь Ты, Господи, мороз-то...»
А Господь-Бог ему в ответ:
«Пусть теснее жмутся друг к другу...»
Святой Валентин вздыхает,
и наступает
утро...

жена не узнала меня
по телефону

может это *ещё* не она?
может это *уже* не я?

Осенний ветер.
Книги с лотка чуть не улетели –
Шелестят страницами, как крыльями.
Продавец придавил их камнями –
Так надёжнее.

Земля – где тепло только червям.
Небо – где холодно даже птицам.
Вода – в которой и рыбы молчат.
Огонь – в котором нет ничего, кроме огня.

Кому ты нужен, человек?
Ты везде чужой.

В уголке
Людского сердца
Тепло и уютно.

Цени эту жилплощадь.

Люди – всего лишь
Мелкие лужицы
На асфальтовой площадке
После летнего дождя.

Но в этих лужицах
Отражается небо.

ССОРА

Один теперь езжу на дачу,
где раньше отдыхали вместе, –
как слепой
хожу по осеннему огороду,
хочу ещё раз
наступить
на те же грабли...

бомж умер сегодня утром
возле мусорного бака

перед смертью
вспомнил воздушного змея –
он упустил его в третьем классе
красивый большой ярко-красный
он прилетел за ним
и забрал на небо

на небритом лице мёртвого бомжа
была улыбка

почему я плачу

за нами никто не прилетит
нас никто не заберёт на небо
неба больше нет

небо кончилось

Конец октября, ветрено.
В лучах холодного солнца –
бельё на балконе
пытается улететь
вослед птичьим стаям.
Не улетит.
Куда лететь-то?
Везде одинаково.

а любовь
смотрит на мир
глазами искусства –
искусственными глазами

сука слепая

Если коней
на переправе не меняют,
а хочется,
значит
пора менять переправу.

кризис среднего возраста –
возраст
когда не хочется быть
средним

люди пошли к Богу
Бог пошёл к людям

встретились на Голгофе

ничего себе
поговорили

Я на неё махнул рукой
Я на неё махнул ногой
А ещё кивнул головой
А ещё положил с прибором
А ещё забил с размаху

В общем
Тепло так попрощались

ПАМЯТИ АКУТАГАВЫ

сiju среди чернил уснувших
боюсь пошевелиться телом
чтоб не пролить судьбу чужую

ржавые рельсы
трава между шпал

анна каренина – уставшая мать-одиночка
у неё девочки-близняшки

учатся в медицинском
на стоматологов
сантехник вронский спился в тамбове

что касается литературы
поручик лев николаевич толстой
геройски погиб в 1855 при обороне севастополя

любимая
это всего лишь книжка

просто книжка
дурацкая книжка

не плачь

давай поцелуемся
давай поцелуемся
давай

** *

бабка
везёт за город помидорную рассаду
сочные зелёные ростки
старая бабка

всю жизнь
и при Сталине
и при Хрущеве
и при Брежневе
и при Горбачеве
и при Ельцине
и при *нонешних*
не смотря ни на что
ни на какие обещания и посулы
ложь подлость и обман
любовь и ненависть
она садила свои красные сочные мясистые помидоры
знаменитые на всю округу
семьдесят восемь лет на страже помидорной рассады

везёт бабка помидорную рассаду
мимо революций войн мятежей строек века
репрессий развенчаний переворотов
нищеты инфляции коррупции
бесконечных реформ
обещаний светлого будущего
сытой достойной старости

везёт бабка помидорную рассаду
в свой небольшой садик
шесть соток
и домик как у отца Чиполлино

а скоро помидоры вырастут
станут большими и сильными
и в благодарность
будут возить бабку
на автобусе из сада домой
к детям и внукам
а потом на базар

где всегда светит
помидорное солнце свободы

Летят гуси
Летят утки

Клин в небе

Бог поставил галочку
Не забудь

люди
сто лет назад
с восторгом смотревшие
на облака над головой
мертвы

зачем мне это знание господи
чтобы я со слезами на глазах
смотрел сегодня
на эти прекрасные облака?

Скромная могила
Деревянный крест
Заброшенное кладбище

Как жил на земле
Так и лежишь под землёй

Что важнее?

Рядом сгорбленная фигура
Старой женщины
В чёрном

Как знак вопроса

И никаких
Ответов

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

По опустевшему городу
В двух грузовиках
Везут лошадей

Всё как у людей:
То ли на бойню
То ли в поле

На волю

Вышел на балкон
Приложил ухо к ночному небу
Услышал историю мира

Забыл себя

Настенная карта мира –
шкура,
снятая с убитого глобуса...

ПОЗДНИЙ УЖИН. ДИКТАТУРА

На кухне,
через мясорубку,
прокручивают мясо.

Час назад это мясо было
живым и сильным животным.
Сочные и свежие
куски только что
отделённые от костей,
превращаются
в мягкую кашицу фарша,
чтобы можно было
есть почти не пережёвывая.

Порядок,
теперь – полный порядок.
Порядок – прежде всего.

Дошёл до ручки,
взял её,
написал гениальное произведение,
положил ручку на место –
пусть другие доходят.

ДУРАЦКАЯ ЛЮБОВЬ

«Для красивой – она слишком умна,
для умной – слишком красива», –
я живу, думая о ней
ежеминутно,
и ежеминутно
мысли о ней заставляют меня
жить.

...Мы сидели в зале кинотеатра
почти девять с половиной недель,
в полной темноте, –
может быть окружающей,
может быть духовной, –

она решила уйти до конца сеанса, –
не то на свидание,
не то из жизни,–

она прошла мимо меня
рядом сидящего, –
может быть, никого не замечая,
может быть, замечая, что вокруг
никого, –
она была в тот день слишком весёлой,
чтобы не расплакаться.

Боже мой!
Вот уже девять с половиной лет
не будучи знакомой,
эта девушка стала мне такой знакомой!
Моими: «добрым утром,
добрым вечером,
добрым ночером»,
и только мне, растяпе, до сих пор неясно,
какую цель я преследую,
преследуя эту цель!

Цельми днями,
я, как форменный дурак,
хожу за своей любовью по пятам, –
а может быть любовь, ходит по пятам
за мной, дураком, –

и тихо смеётся.

ДЕТСТВО

Когда я родился, то подумал:
«Жизнь. А почему бы и нет?»

В детстве не терял надежду
выучить шум дождя: «А вдруг получится!»

В юности мне это удалось,
но тогда я уже думал:
«А что я с этого буду иметь?..»
и дождь перестал идти вообще.

Я часто болел,
и берёзы казались мне
забинтованными людьми.

Потом я разучился себя винить,
но до сих пор боюсь ходить по земле,
в которую закопал живьём
щенят оценившейся суки.

Иногда я стрелял в себя,
но промахнуться было проще и приятнее.
Так я дожил до своего рождения.

Однажды, проснувшись,
я со страхом не узнал себя в зеркале.
Наверное, так люди приобщаются к смерти.

«Женщины чувственны, – думал я, –

их мир полон ощущениями,
как подсолнух семечками.

Они могут взять весну за руку.
Они могут использовать закат как румяна.
Не скрою, им это удаётся.
Мужчинам остаётся только восхищаться ими».

Мне было проще понять мир, отражённый в лужах.
Поэтому я часто носил лужи с собой.

Наверное, я когда-нибудь догадаюсь обо всём.
А сейчас с содроганием представляю,
что мог бы навсегда остаться только отражением.

Если бы Бог
Слышал все молитвы
Он бы сошёл с ума
Превратился в городского дурачка

Ходил бы по миру
Всем улыбался

И больше ничего не понимал

Познать истинную
высоту дерева
можно
лишь упав с него.

Господи
и даже если я
всего лишь
заноза в твоём заду
не спеши меня вытаскивать

ибо зад твой необъятен –
а я всё равно смертен

ИЗДЕРЖКИ ЭМАНСИПАЦИИ

Трое в масках ограбили банк.
Полиция вышла на их след.
Двое погибли в перестрелке.
Третий, самый дерзкий и жестокий,
застрелился последним патроном.

Когда их привезли в морг и раздели,
выяснилось,
что этим третьим
была
девушка.

Как Бог по воде –
Так мы под водой
Как Бог по земле –
Так мы под землёй
Как Бог по небу –
Так мы под небом
Как Бог
Так мы
Как?
Так

В эпоху Сражающихся царств
В Смутное время не кончающихся междоусобиц
Конфуций придумал понятие долг

Две с половины тысячи лет назад
Я был бедным китайцем
И ничего не понимал в его учении
Я подарил Лао-цзы своего единственного ослика
И стал ждать пришествия Будды

Колесо жизни было не за горами
Оно уже ехало по нам
Даруя вечную жизнь и жизнь в вечности

Кутузов у Льва Толстого – ученик великого Дао
И его путь – тогда в 1812 –
был спасительным для России

А я когда-то свернул в тупик
Который оказался бесконечным

ОБЫКНОВЕННЫЙ БУДДИЗМ

я сидел на берегу реки
и мимо меня
проплыл труп не моего врага

неожиданно для себя
я искренне обрадовался
что мой дорогой враг
ещё жив

сидит на другом берегу
напротив меня
и ждёт
когда мимо него
проплыву я

в магазине
осенним ненастным днём
расплачиваясь за покупку
достал из кармана
вместе с мелочью
морской песок

защемило сердце
вспомнил о тебе

забыл сдачу

Облака на небе
Как пачка обгоревшей бумаги
Пылает закат
Горят чьи-то рукописи
Величественное зрелище
Пылают облака
Пылают поэмы
Ты последний их читатель

Молчи

Говори

я часто перегибаю палку
но это лучше
чем если палка перегнёт меня

Ирине Коровиной

Она летает по небу голая.
Представляете?
Совершенно голая!

«Бесстыжая! – говорят, задрав вверх головы,
злые старухи во дворе. –
Ладно, летала бы одетая,
а то ведь совершенно голая!
Летать совершенно голой –
ну разве так можно?!»

«Можно, можно», – говорит небо.
«Можно, можно», – говорит земля.

...У человека рождается ребёнок.
Женщина, которая летала по небу
совершенно голая,
рожает в муках сына.
Рожает уже несколько дней.

Трудные роды.
«Ветром надуло, –
говорят старухи во дворе, –
летала совершенно голая,
вот ей семя в живот
ветром и занесло...»

«Ребёнок-то ваш – с крылышками, –
говорит доктор, задумчиво поглаживая
свой гладко выбритый хвост. –
А такие дети тяжело приходят в мир...»

...Муж,
в общем-то, уже старик,
плотник по профессии,
слушает старух,
слушает доктора,
слушает воющий на улице
ветер,
смотрит на рожаящую в муках
жену,
и думает: «Боже мой, какой стыд!
Какой срам, какой позор!
Ребёнок родился от ветра,
долеталась...

Сколько боли и крови,
мук, суеты, нервогрёпки:
её здоровье, моя работа,
и ради чего всё это?
Ради вот этого орущего, мокрого,
красного, вечно голодного
кусочка плоти, без имени,
без разума, без прошлого
и будущего?
Господи ты, боже мой,
разве это кому-нибудь нужно?!»

«Нужно, нужно», – говорит небо.
«Нужно, нужно», – говорит земля.

А потом ребёнок вырос...
И он тоже стал летать,
и забираться
очень и очень высоко.
Он был свободен и одинок,
и за свои полёты
ни перед кем не отчитывался.
Ни у кого не спрашивал разрешения.
Ни с кем не советовался.
Никого не слушал кроме ветра.

«Куда смотрит милиция?!» –
вопросили те же злые старухи во дворе.
Вверх, на полёт.
«А взрослые?!»
Вверх, на полёт.
«А дети?!»
Они летают вместе с ним!
Разве такое возможно?!

«Можно, можно», – говорит небо.
«Нужно, нужно», – говорит земля.

время перемен
когда рождённый ползать
учит летать
рождённых летать

настежь открытый человек
с душой нараспашку

гуляют сквозняки

Самсон
убил тысячу филистимлян
челюстью мёртвого осла

где бы мне
в сражении с моими филистимлянами
взять такую челюсть

если кругом
только живые ослы

дождь шумит за окном
дождь шумит

давай пошумим вместе
как раньше
наведём шороху
разгоним всякую
летучую и ползучую шушеру
гром и молнии
буря и натиск

эй, подожди дождь!
подожди кончатся
давай пойдём дальше
глубже
выше
сильнее

кончился
не шумит больше

и я не шумлю
наши лужи по соседству

Кантемир писал в стол
Барков писал в стол
Пушкин писал в стол
Лермонтов писал в стол
Тютчев писал в стол
Достоевский писал в стол
Толстой писал в стол
Мандельштам писал в стол
Ахматова писала в стол
Булгаков писал в стол
Платонов писал в стол
Солженицын писал в стол
Бродский писал в стол
Рубцов писал в стол

я пишу в стол

О глубокоуважаемый стол
русской литературы!

Каких же ты размеров?!

1989

Конец света
Это когда зло
Борется со злом
За добро

И побеждает

О ТОМ, ЧТО НАС СПАСАЕТ

О.

Одиночество, гулкое,
Как падение капель в огромной пещере.
Решил покончить с собой.
Открыть вены, как окно в душевной комнате.
Взял бритву и пошёл в ванную комнату.
Бросил последний взгляд на своё отражение.
С удивлением отметил, что не брит.
Решил напоследок побриться.
Вернулся в комнату, освежить лицо.
Звонок в дверь.
Требовательно, настырно.
Телеграмма.
Друзья с другого конца света поздравляют
С сорокалетием.
Расплакался, как уличённый в предательстве.
Понял, какую глупость чуть не совершил.

А вы ещё ворчите на плохую работу нашей почты.

НАШЕ ВРЕМЯ

*Вбегают мёртвый господин
и молча удаляет время.*
Александр Введенский

Жизнь ставит свой наивный трагифарс.
Бездарный автор. Но игра актеров –
великолепна, просто вне оценок.
И полон зал. Аншлаг. И нет билетов.
«Уж ложью блещут...» Что я говорил?

Пусть боги спят. Они здесь ни при чём.
Мы сами эту драму разыграем,
да так, что станет страшно небесам.
(В том смысле, что смешно, а значит – страшно.)

Билеты проданы. Но чёрный ход – открыт.
Рогатых растолкаем мы локтями,
хвостатым не найдётся рядом места,
а кто с копытами – на мясокомбинат.

А боги спят. Они не театралы.
Она вульгарны, эти наши боги.
Они вульгарны, и в желаньях – хамы.
Пусть спят они ещё сто тысяч лет.

А наше время громких бенефисов,
премьер скандальных – нет, не для богов.

Пусть боги спят. Рыдания их разбудят.
А может смех, ей-ей, я сам не знаю.
Как карта ляжет.
Может быть, никак.

Вперёд, актёры, лицедеи, маски!
Шуты и арлекины, скоморохи,
паяцы, клоуны – и ряженных толпа.
Вперёд, пройдохи! Это ваше время!
Все эти декорации – для вас!

Мир бутафорий, ты не скоро сгинешь.
Пусть боги спят, они ведь сами – сказка,
проснутся – и исчезнут навсегда.
Лишь только сон всё делает реальным.
А жизнь есть сон.
Во сне мы можем всё.

«Спокойной ночи,
всем спокойной ночи». Спокойной ночи.
Бодрости для дня!

Ну что, друзья, расселись поудобней?
Теперь вставайте – сцена нам нужна!
Пока храпят ленивые на небе,
успеть сказать, сыграть все наши роли,
коль время выпало – пора его поднять!

Вперёд, актёры, лицедеи, маски!
Мы им покажем, как с судьбой играть!

О, время перемен, афер, фальшивок,
дурилок из картона, беспредела,
остаточных явлений, и явлений

Христа народу – пять рублей за вход.
Здесь были мы.
А там – ещё мы будем.
Вот только доиграем до конца.

Какое время!
Хоть сейчас стреляйся.
А выживешь – добьёшься враз всего.

Мы выживем. Но мы не лицедеи.
Мы – зрители. И нам пора домой.

Бездарный автор, трагифарс – дешёвка,
игра актеров – тоже, так себе.
А что осталось? Господи, осталось
хоть что-то в сердце, в голове, в душе?

Быстрее домой, проснутся скоро боги!
Проснутся боги – наше время спать...

ОДИНОЧНАЯ КАМЕРА

Александру Карпову

Забудь, художник, для чего ты пишешь.
Води рукою, создавай полотна,
малой картины –
люди разберутся.

А нет – так нет.
Всё объяснишь на небе,
среди ангелов ценители найдутся,

а лучшее
подаришь лично Богу.

Он не такой уж, в общем, консерватор,
в каком-то роде даже модернист.

Картины он посмотрит, прослезится:
«Да что же на Земле у вас творится?!»
Глядишь, и повернётся к нам лицом.

Так что рисуй спокойно левой пяткой,
и правой пяткой создавай шедевры, –
бывает, что спасение приходит
из тьмы такой, откуда и не ждёшь.

Отдайте краски, паспорт. Ты свободен.
И на бутылку можешь взять займы.

Тюрьма разрушена, и только на картине
свободного художника осталась.
Никто не помнит, что была тюрьма,
но спорят, что всегда была свобода.

Художник помнит, знает и молчит.
Что говорить? Он лучше нарисует.

Мне снилось, что я стал кинотеатром,
И что-то там испортилось внутри,
Все фильмы перепутались, и вместо
Смешной комедии французской зарядили
Фильм про свихнувшегося старика поэта.
Он представлял себя кинотеатром.

Гасили свет, крутили кинофильмы,
Старик дремал один в ряду последнем,
И в снах своих, как мёд, густых и сладких,
Он был велик и счастлив на земле...

Искусство свято, кто б его не делал.
Искусство есть искусство, ставим точку.
А жизнь есть жизнь, и в этом месте надо –
Как было сказано – поставить *кровоточье*...

Мне снилось, что я стал консервной банкой,
И что-то там, в себе, хранил я, прятал,
И не сказать, чтоб ценное, но всё же
Доверенное мне – консервной банке.
А раз доверили – так сохрани как было...

Мне снилось, что я стал последней пулей.
Лечу себе, не ведая дороги,
Как будто я – есть я, и нет кого-то,
Кто выпустил меня последней пулей.

Так и лечу, не ведая мишени.
А станет цель ясна – полёт прервётся
И может, что-то большее случится...
Откуда знать последней пуле глупой?

Мне снилось, что я был кинотеатром.
Мне снилось, что я был консервной банкой.
Мне снилось, что я был последней пулей.

ПОЭЗИЯ

Я шёл по переулкам
плохо помня
дорогу к своему родному дому.

В такую ночь морозную,
глухую,
прохожие давно мне не встречались.

И вдруг на повороте я столкнулся
с толпой парней
довольно крепких с виду.

Я был нетрезв,
в приличной куртке зимней,
одеколоном пахнувший французским.

Я что-то им рассказывал о Данте,
показывал наверх и увлечённо
почти кричал
о том, что звёзды держат
на небе наши взгляды
как подпорки...

Сейчас я вспоминаю их карманы,
что оттопырены не семечками были.
Я вспоминаю, как позвякивали цепи
под куртками запрятанные,
вспомнил
отличную заточенную финку,
показанную мне как бы случайно, –
из одного в другой рукав засунул, –
в момент, когда их старший попытался
со мной вести беседу. Остальные
стояли и чуть видно улыбались.

Я вспомнил их, увидев на процессе
о нескольких убийствах и разбоях.
Судья все называл часы и даты,
количества и качества, и вдруг
среди этих данных выплыла наружу
та ночь, когда я с ними повстречался.
В ту ночь они убили двух девчонок.

...Поэзия,
неужто ты и вправду
с орфеевских времён способна чудом
спасать своих творцов от верной смерти,
чтобы они потом, в тебя поверив,
слагали гимны в честь тебя и песни,
чтобы стихом своим, как кровь горячим
твоё сухое тело наполняли,
состаренное временем и жизнью,

эпохами убийств, разврата, пьянства,
ненужное, забытое на свалке,
но жаждущее жить,
и этой жаждой
способное творить любое чудо.

СВЕРЧОК

...Усталые и запыхлённые,
мы шли по степи целый день,
так и не встретив на пути
человеческого жилья.

Наконец, решили расположиться
на ночлег под открытым небом,
благо, что погода вот уже месяц
стояла хорошая.

Постепенно все заснули,
а я сидел у костра, под этими
низкими, огромными звёздами, –
такими низкими и такими огромными,
что можно было прикуривать о них
сигареты, –
всё сидел и думал
о мужестве маленького степного
сверчка, который каждую ночь
совершенно один, затерянный
в этой бескрайней степи,
уверенно играет свою спокойную,
вечную и мудрую музыку,
хотя наверняка знает,
что здесь на многие километры вокруг
нет никого, кто бы её услышал
и по достоинству оценил.

Но это его родина.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Одностишья

Мне есть что сказать – потому и молчу...

Простая мысль чревата осложнением...

Не тычьте пальцем, я ведь вам не небо!..

Пошёл я спать – без всякой задней мысли...

О, ты мой обморок вне плана!..

Опасен брод на теле незнакомки...

К себе впустить вас?! Только внутривенно!

Побреешь крылья – раздражение будет...

И степь, как женщина, передо мной лежала...

Я не хочу вас даже с красной рыбой...

Ты Гамлета во мне убила скалкой!

Ножом консервным открываю книгу...

А вы, я слышал, снова ум за разум?..

О звон в ушах! Душа с душой столкнулась!

Довольно ваших милый угрызений!

У нас несовпадение пейзажей...

И крысы вновь вернулись на корабль.

Мысль путается, чтобы сбить со следа...

И кто спешит, тот точно опоздает...

В стране волнения – а я от качки болен...

Не ноги, а сплошная баррикада...

Ах, мой ребёнок? Он ручной работы...

Без женских прелестей не мыслятся пейзажи...

Уж не о близости – о дальности мечтаю...

Налил и выпил, море – значит море...

Сказать по правде, я вам всё соврал!..

ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЭТА

Не обязательно быть большой буквой, чтобы начать жизнь с новой строки.

Сегодня у меня заболело сердце. По крайней мере, я теперь знаю, что оно у меня есть.

Малая родина – как камень на шее утопающего. Либо ты всё-таки выплывешь к новым берегам, либо тебя навсегда утянет на дно, в тину провинциальной жизни.

– Мы песчинки в ладонях Бога. И таких песчинок у него в руках – целая пустыня. И вот он держит эту пустыню в руках, и дышать на неё боится.
– А я бы дунул на неё хорошенько. Чтобы песчаная буря – на тысячи лет!

«Да, я старый пень, но пни ведь тоже нужны, – говорю я себе, – на пень можно присесть отдохнуть, предаться философским размышлениям. А эта ваша зеленая поросль – какой в ней прок? Ни тени не даёт в жаркий день, ни живительной прохлады, только дорогу загораживает – пробираться сквозь заросли трудно».

Не стоит посвящать жизнь этим буковкам, вспомнил я слова отца, они, как термиты, разъедят твою жизнь.

– Все в одну землю ляжем, всё прахом станет, и дела, и слова.
– Да не скажи! Чьё-то слово превратится в прах, а чьё-то – в порошок.

«Вот ты, оказывается, какое, человеческое тепло», – мрачно подумал Джордано Бруно, глядя на суетящихся с вязанками хвороста горожан.

Человек – глубокий колодец, на дне которого мерцают звёзды.

За свою жизнь я достаточно унавозил землю. Надеюсь, теперь на этом месте вырастет что-нибудь путное.

Увидимся! Не последний раз живём.

Если в вас часто просыпается зверь, значит, вы его плохо кормите.

Помню, как один мой ироничный знакомый сказал: «О-в – без сомнения, настоящий поэт». «Почему?» – переспросил я. «У него руки не оттуда растут – ни к чему не приспособлен, кроме как рифмовать».

Афоризм – это замочная скважина, в которую можно увидеть целый мир.

Красиво жить – это когда шелест купюр сливается с шорохом листопада, а не когда одно заглушает другое.

Рукописи не горят... Но ими можно отлично подтереть задницу.

«Нас погубят – политика без принципов, удовольствия без совести, богатство без работы, бизнес без морали, наука без человечности» (*Махатма Ганди*).

Если над «i» расставить все точки, то это уже будет не «i», а звёздное небо над головой.

Прожить жизнь, не выходя из тени истории...

Прозаик В. К. мнил себя толковым словарём, а на самом деле давно уже был сборником бородатых анекдотов. Всю жизнь менял буквы на циферки, а циферки на денежки. Дерьмо на конфетки, мыло на шило, а шило в мешке ведь не утаишь...

- Лужа – это труп дождя, – сказала она грустно, и вдруг добавила:
– Что бы ты выбрал – богатство или известность?
- А поточнее?
- Быть молодым и знаменитым, или старым и богатым?
- А что любят женщины?
- И то, и другое.
- Тогда и то, и другое.

Она была из тех сорняков, что растут даже на радиоактивных отходах.

Любовь – такой зверёк, если его не подкармливать чем-нибудь остреньким, он быстро умрёт.

Интересно, ветер в головах может быть попутным?

- Ловлю на слове! – говорит она.
- Проверишь на деле! – отвечаю я.

Она была талантливая, но не собранная. Вот если бы появился кто-то, кто бы её собрал по частям, и сложил аккуратно в одном месте, глядишь, и получилось бы что-нибудь путное и дельное.

О, женщина! Голая, как бритва, острая, как бритва, опасная, как бритва...

– Почему так, – сказала мне как-то поэтесса Н. Ш., – когда любишь – убить хочется, а когда нет – то противно дотронуться?

Любовь глупа, как природа, а это и есть главная мудрость мира.

Путь к сердцу женщины не должен лежать!

Немногие знают, что ожидает их в будущем. Но ещё меньше тех, кто знает, что произошло с ними в прошлом...

На вершине творчества всегда разряженный воздух. Простые смертные там дышать не смогут.

После очередной разгромной рецензии молодой питерский поэт-неоклассик Д. Б. написал: «Итак, я выпил полную чашу скорби – и захлебнулся молчаньем».

Поэт Константин Бальмонт:

«Если к пропасти приду я, заглядевшись на звезду,

Буду падать не жалея, что на камни упаду».

Интересно, врал или нет?

Одностишье Ильи Сельвинского:

Народ! Возьми хоть строчку на память!

Ещё одно одностишье – поэта-фронтовика Василия Субботина:

Окоп копаю. Может быть – могилу.

Итак, однажды я пришёл с работы, поужинал остатками завтрака, заперся в комнате, достал из стола пистолет, бритву, верёвку и пузырёк с таблетками мышьяка.

«Ну-с, с чего начнём?», – в задумчивости я почесал подбородок.

Хватит, дружок, постоянно как страус прятать голову в асфальт!..

Вот моя история с поэзией. Она подтаскивает к краю пропасти, и ты орёшь:

– Там же пропасть!

А поэзия говорит:

– Нет, там – глубина.

Потом затаскивает тебя в горы. Ты орёшь:

– Я задыхаюсь, здесь разрежен воздух и нечем дышать!

– Нет, – говорит поэзия, – это – высота.

– Я умираю! – кричишь ты.

– Ну и что? В поэзии все живут и умирают. Только глупость бессмертна.

Поэзия должна хлестать из родной речи, как кровь. И не смейте её останавливать!

Парнас – слишком хорошо укреплённая высота, и взять её можно только сердечным приступом.

Чем больше у поэта масок – тем лучше, значит, у него есть своё лицо, на которое он их надевает.

Поэзия – это то, что теряется при переводе.

(Роберт Фрост).

Поэзия возникает на стыке далековатых понятий.

(Михайло Ломоносов)

Стихи нужно печатать на такой бумаге, которая бы полностью саморазрушалась через год-полтора. Если стихи стоят того, то их к тому времени выучат и запомнят.

Мой любимый анекдот:

Коллекционер старинных книг спрашивает своего приятеля, нет ли у него книг такого рода.

– Теперь уже нет, – отвечает друг, – неделю назад я выбросил Библию, которая валялась у меня хрен знает сколько, кажется, это было издание... Гут... как его... Гутен...

– Гутенберга? Ты выбросил Библию Гутенберга?! Да ведь это же была первая из напечатанных книг! Ей цены нет! Сейчас за один экземпляр этого издания дают четыре миллиона баксов!

– Ну, за мою, я думаю, никто бы и ломаного гроша не дал, потому что какой-то идиот исписал в ней все поля. Кажется, его звали Мартин Лютер.

Жизнь прожить – не поле перейти. А горы, а реки, а раки, а руки? Ей-богу, господи, я наверно прошёл уже с десяток минных полей, и решил теперь вернуться в пешеходную зону!

Истинную высоту дерева познаешь тогда, когда с него свалишься.

Пушкин сказал, что «первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова». Мда. Он оказался пророчески прав.

Иван Барков – это скандал длиной в 250 лет. Барков лишил русскую поэзию девственности.

В редакцию вечерней газеты зашёл старейший в городе поэт. Литературный мастодонт кряхтя сел на стул, достал из потёртого кожаного портфеля свои застарелые стихи и стал с нежностью инвалида показывать их нам.

Через слово – Пушкин, Пушкин, Пушкин.

И тут я не выдержал:

– Мне кажется, что сегодня Пушкин – это последнее прибежище графоманов, бездарей и тупиц. Они прикрываются Пушкиным, Пушкиным оправдываются, в нём находят себе утешение. Пушкин для них слишком прост и понятен, чтобы быть по-настоящему понятым. Он для них как фиговый листок, прикрывающий срамоту безвкусицы и пошлости...

За толстыми стёклами очков заслуженного писателя на меня бешено топали злые маленькие глазки. Его можно понять: всю жизнь он мечтал о долгом, но честном пути от нищebroда к бутерброду с красной икрой.

Но на каждом шагу – завистники и интриганы. Вечно жаловался, что его обливают грязью. Пережил всех критиков. Видимо, грязь оказалась лечебной.

Если постоянно смотреть только внутрь себя – становишься ужасно близоруким.

Местный гений – обычно гений только местами.

Графоманы, люблю вас за стойкость!

Настоящая победа – когда ваши стихи будут читать люди, которые в принципе не читают стихов.

Вот это чувство вам, надеюсь, знакомо – что никто кроме вас не поднимет бунт на корабле? А ведь бунты поднимают не красавцы-супермены, а тщедушные худые юноши, слабые телом, но сильные духом.

Искусство сродни преступлению. В нём есть тяга всё преступить.

Сходя с ума – не пропустите свою остановку.

Путь России усыпан розами и розгами.

Потерпите, затяните поясок, –
Затянул его на шею старичок...

Оппозиционный журналист и поэт Е. Л. попросил в США политическое бомбоубежище.

Оседлавшие бурю в стакане воды – вот я и моё поколение...

Золотая молодёжь – пробу некуда ставить.

Бог спит. Ему снятся кошмары, эти кошмары – мы. Когда он проснётся – мы исчезнем.

Так бывает – заболела десна, думаешь, зуб мудрости растёт, а это обычный флюс пухнет.

Как найти иголку в стоге сена? Нужно просто поджечь стог.

Я превратился в комара, кровопийцу, который сел на руку Бога и сосёт Его кровь. Бог это видит и чувствует, но сам меня прихлопнуть не реша-

ется – принципы не позволяют. И тогда он звонит Дьяволу и просит о маленьком одолжении – избавить Его Божественное Величие от несносного и надоедливого кровопийцы. Дьявол соглашается (потому что потом тоже попросит у Бога о маленьком одолжении)...

Один мой товарищ сказал как-то в сердцах: может, этот мир потому такой хреновый, что его Господь Бог за шесть дней сварганил?

Оставить бы тако-о-ой след на земле (где-нибудь в самом её центре!), чтобы уж никогда травой не зарос.

Человек – могила Бога, вырытая Дьяволом. Или могила Дьявола, вырытая Богом. Кто мне объяснит, в чём здесь разница?

Бережёного Бог бережёт. Но сначала сбереги этого Бога в себе.

Есть Зло как преступление. Есть Зло как философское понятие. А есть Зло как форма абсолютной свободы.

Одержать великое поражение в битве с Богом – вот одно из предназначений большого поэта.

«Ангел, сворачивающий небо. Страшный суд», фреска в Кирилловской церкви в Киеве. 12 век.

Для кого благими намерениями, а для кого книгами стихов и прозы вымощена дорога в ад.

Настоящий художник должен быть всеядным: растущему организму необходимы витамины, и даже яд в умеренных дозах.

Трагедия заключается в том, что, даже обнаружив дорогу к истине, никто не в состоянии пройти её хотя бы до середины.

С разными – я разный. Самим собой будь только с самим собой.

«Мой принцип в журналистике, – говорил знакомый редактор городской газеты, – берёшь чужое, несёшь как своё!..» Он же: «Никакого груза ответственности! У творчества должна быть лёгкая походка». Или: «Нужно уметь поддерживать отношения, тогда и отношения будут поддерживать тебя». «Взялся за власть – не говори, что не всласть...».

У нас у всех свои скелеты в кустах и рояли в шкафу.

Не читайте газет, иначе они заберут вас с собой. Смерть – это родина старых газет.

В море прессы тонут факты.

Сентябрьское утро. Бог подставил под лучи восходящего солнца свои озябшие за ночь облака...

Я поэт, и этим неинтересен... Я прозаик, и этим ничего не сказано... Я журналист, и лучше бы мне помолчать...

Если у шкуры льва не хватает клочка, поставь заплатку из ослиной шкуры, всё равно никто не заметит.

– Выбирайте, – сказал я директору районного Дома культуры. – Или пьяный поэт читает трезвые стихи, или трезвый поэт читает пьяные стихи.

– А нельзя – трезвый поэт читает трезвые стихи? – робко спросил директор.

– Торг здесь неуместен, – отрезал я, и вечер поэзии состоялся на моих условиях.

Что читал – тем с радостью подтёрся...
(одностишьё)

Известный барнаульский любитель пива, поэт и музыкант Дмитрий К. за 30 секунд разбирал большого леща, как в армии автомат Калашникова.

Будучи выпивши, он полез в бутылку. Доставали его оттуда всем селом.

Встречаю в Барнауле московского поэта:

– О, привет! Ты как здесь?

– Да проездом.

– И давно?

– Да уже пятый год.

– Ты – открытый перелом русской поэзии, – сказал он мне. – Но лечить не нужно – пусть болит. – И дальше: – Чувство локтя... А если локоть есть, а чувства – нет?

– Мы с вами во многом совпадаем.

– Да, и где совпадаем – там бывает короткое замыкание.

У Пушкина в «Борисе Годунове»: «Кругом лежат мёртвые трупы». Гоголь прочитал это и подумал: «Да что там «мёртвые трупы»! Я вам о «мёртвых душах» напишу!»

– У него необычный склад ума.

– Склад? Я бы сказал, настоящая помойка!

В высоченном заборе «Нет» всегда найдётся маленькая лазейка «Да».

– Земля – такой большой нелепый корабль, и тебя не спрашивают, хочешь ли ты на нём плыть, а просто вручают билет, когда ты рождаешься: плыви, парень. Без вариантов. Корабль один, плыви, дурак, тебе ещё повезло, этот билет счастливый.

Но это ведь не совсем так: шанс за шанс. И я имею право хотя бы на один ответный, по-настоящему самостоятельный шаг. Поднять якорь,

отдать швартовы, приготовиться: нас ждёт путешествие, полное приключений!

На Титанике, который ещё плывёт.

Не стойте на ветру перемен. Продует.

Мы живём во времена, когда писателей стало больше, чем читателей. Было время, читатели стояли в очереди за книгой, а сейчас книги стоят в очереди за читателем.

Моим читателям – не прочитайте мимо!

– А я буду рад, – говорит поэт С. Т., – если про меня скажут: он работал как вол, пил как лошадь, подох как собака, и зарыли его, как падаль. Глядишь, после смерти и назовут настоящим человеком.

Широка русская душа в потёмках, но и опасна в узких местах...

Москва – богатый город, понял я. Наверное, поэтому здесь так много нищих. Это город героев, поэтому здесь так много подонков и подлецов, решил я.

Почему так в России? Талантливый человек или последний пьяница, или первый подлец?

В России посадишь семена – вырастут цветы, посадишь чиновника – вырастет два чиновника.

Колобок – это наша родина, которую ловко съел кто-то хитрый и рыжий.

В России лопаты – и те штыковые.

Мой друг М., начинающий писатель, всю жизнь только и делал, что нырял в книги, как в омут, с головой.

Нырнёт, бывало, в Жуковского, вынырнет – в Пушкине, нырнёт в Пушкина Александра Сергеевича, вынырнет – в Гоголе, стало быть, уже Николае Васильевиче, нырнёт в Гоголя, вынырнет – в Достоевском, нырнёт в Достоевского, а вынырнет где-нибудь в Чехове, нырнул в Чехова, а вынырнул в Платонове.

Нырял, нырял и где-то в Булгакове захлебнулся.

Так и остался никем. Плыть надо было самому, а не заныривать в других. «Не плыви против течения, не плыви по течению. Плыви куда хочешь».

Мой девиз: Зри в корень и крону!

В споре рождается не истина, а головная боль.

Искусство стало той мягкой бумажкой, которой общество подтирает задницу. Хорошо бы под видом туалетной бумаги иногда подсовывать ему наждачную бумагу.

Чтобы сегодня издаваться много ума не надо. Надо много денег.

Любишь кататься как сыр в масле, люби и быть съеденным.

Один мой знакомый давил из себя по капле раба. И умер, дурачок, от обезвоживания.

Всё, всё уже было, всё уже написано. Нам остаётся только правильно расставить знаки препинания.

Не плуйте в колодец, молодёжь, сами в него попадёте!

«Я – гений, Игорь Северянин», «Маяковский – сам», «Василий Каменский – живой памятник», «Кузнецов – это я. Я один. Остальные – обман и подделка». А хорошие стихи кто писать будет? Пушкин что ли?

– Ты, я надеюсь, не страдаешь гипертрофированной манией величия?
– Я известен тем, что совершенно неизвестен.

Литература не богадельня и не дом престарелых. В литературе часто умирают, и без ножа режут.

История ничему не учит, а литература ни от чего не лечит. Споры о том, что первично – этика или эстетика – вечные споры.

Когда идёшь непроторённой дорогой, по крайней мере, нет опасности, что угодишь ногой в дерьмо первопроходцев.

– Ребята! Вы так отстали от жизни, – говорил я на заседании литклуба, – это вдвойне удивительно, если учитывать, что жизнь давно уже стоит на месте.

Скороговорка для экзистенциалистов: *Скоблю скамью – скорблю по Камю.*

Мы ангелы внутреннего сгорания – сгораем внутренне, и становимся ангелами.

– Между любовью и смертью так много общего, – говорит поэт С. Т., – если это вообще не одно и то же.

И продолжает, незаметно впадая в патетику:

– Я знаю, что на свете есть тысяча причин, чтобы покончить с собой. И только одна, чтобы жить. Но эту единственную причину не знает никто. Поиск её и составляет пресловутый смысл жизни.

Живи себе навстречу!

Если Магомет не идёт к горе, то гора приходит к Магомету – и рождает ему мышь. Потому что человек человеку – отец, сын и дух святой.

В мутном рассудке черти водятся.

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Тем более, если один из этих зайцев – ты сам.

Я никогда не буду посередине, в середине тесно, чёрт возьми, тут мало места! Я всегда буду с краю, крайним. Там простор и много свежего воздуха.

Вечность состоит из тысячелетий, тысячелетия из веков, века из годов, года из месяцев, месяцы из дней, дни из часов, часы из минут, минуты из секунд, секунды из мгновений. А мгновения состоят из вечности.

Чем глубже в слово – тем больше смыслов.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хуже, чем тебя...

От морального до аморального – одна буква, а последствий от этой буквы – на целые тома.

Воздушный замок из свинца – вот наша демократия.

Если Россию ожидает тоже, что и весь западный мир, то пусть лучше она сейчас умрёт от заражения крови, чем потом от ожирения.

Любые перемены – это катастрофа. Поэтому к катастрофам нужно относиться спокойно, как к переменам.

О коммунистах: они считали себя солью земли – и пересолили.

На улице только что прошёл короткий, но сильный дождик. Неожиданно выглянуло солнце, но не удержалось на небе и рухнуло прямо под колёса мчащихся по мокрому асфальту машин. Они раскатали солнце по всей дороге, и на асфальт невозможно было смотреть из-за яркого света.

«Блестящая смерть, – мрачно закончил я сочинять метафору, – просто блестящая смерть сегодняшнего солнца».

Иногда так чего-то захочешь, что понимаешь – обязательно надо от этого отказаться...

Как много на свете того, чего осталось так мало!..

Говорите побольше глупостей. Чем больше ты их говоришь, тем меньше их остаётся в тебе самом. Люди, говорящие глупости, – самые умные люди на свете.

Если вы проголодались, свернитесь калачиком и съешьте его.

– Как говорит наш мудрый народ...

– Простите, а ваш мудрый народ не может помолчать?

Цветы, например, не делают ничего... Но как мастерски они это делают!

Кризис среднего возраста: возраст, когда не хочется быть средним.

Как в России учат? И кнутом, и пряником.
То есть кнутом тебе по румяному прянику?!

Он искал золотое руно во всех концах света, а нашёл его дома – через десять лет странствий, увидев это руно на лоне своей жены, когда она разделась...

Да вы приглядитесь к нему! Это же *волк в чешуе из тигровой кожи!*

Ночью все кошки – мышки.

Самые красивые цветы произрастают на нервной почве.

Целованный небесами – так раньше деревенских дурачков и поэтов называли.

Поэт – сталкер, который ведёт нас через отравленное массовой культурой пространство русского языка. Не все вернутся из этого путешествия живыми. Но это не значит, что нам не надо идти вместе с ним. Это единственный шанс не потеряться...

С живыми гениями мы спорим. Внимательно слушаем только мёртвых.

В настоящей мудрости должны быть вежи, когда-то расставленные глупостью.

Потеряв себя – не спеши искать: отлежись, пусть тебя найдут другие.

Естественно, любой гений – это пришелец из космоса, уверял меня художник Юрий Эсауленко, и наше счастье, что в это никто не верит.

Жить каждый день как последний, выгореть дотла, чтобы смерти ничего не досталось.

Не верьте в посмертную славу. Посмертная слава – уже не ваша слава. Слава может быть только одна – при жизни, и по справедливости она должна достаться творцу, пока он жив.

Легче всего заблудиться, когда идёшь именно по прямой дороге.

Я не настоящий поэт, потому что если бы мне приказали ради поэзии убить кого-нибудь, или предать, я бы не смог этого сделать. А для настоящего художника нет закона, кроме искусства.

Правила русского языка: первое лицо, второе лицо, третье лицо. Моё Лицо!

Поэт всегда должен стремиться уйти хотя бы на одну строчку дальше всей мировой поэзии.

Каждому молодому поэту или прозаику хочется, чтобы литература началась с его произведений. Каждому молодому критику хочется, чтобы литература закончилась вместе с его злыми критическими статьями. И эта бесконечная история повторяется из одного литературного поколения в другое.

Не беда, если кулик хвалит своё болото, беда – это когда в своё болото он пытается превратить и всё окружающее пространство.

Я уверен, что из «искры божьей» может вспыхнуть не только «огонь вдохновения», но и «пожар безумия».

Осень, листья осыпаются, как старая штукатурка – лес пришёл в негодность, зима, как бульдозер, снесёт остатки лета.

Когда наступает творческий кризис? Когда сталкиваешься на узкой тропинке с самим собой, и уже точно – не разойтись.

– Вы были знакомы с этим человеком?

– Лично нет, но наши души дружили.

Деньги тают как снег, и текут как слёзы...

Дошёл до ручки. Взял её, написал гениальное произведение, положил ручку на место. Пусть другие доходят.

Для того чтобы прыгнуть выше своей головы, я даже согласен её потерять.

Это очень важно, чтобы все мы двигались в разных направлениях: только тогда мир обретает объём и перспективу.

Гениальность и безумие всегда разделяла незапертая дверь.

Слава – это скорый поезд, который всегда опаздывает, хотя идёт точно по расписанию.

– Он флюгер, – говорил покойный фельетонист Виктор Титов о молодом поэте и журналисте О. М., – но в жизни такие люди нужны, чтобы по ним узнавать, откуда сегодня дует переменчивый ветер удачи.

Он так часто рассыпался перед всеми в любезностях, что однажды рассыпался, а собраться уже не смог. Так и помер – несобранным.

Не жизнь, а сплошная геометрия: круг друзей, любовные треугольники.
Чёрный квадрат забвения.

Может я иногда и перегибаю палку, но это лучше, чем если палка пере-
гнёт меня...

– Я вам всё сказал, мягко, но твёрдо.
– Что ж, спасибо, Родина вас не забудет...Но и не простит.

– Да, он тот ещё фрукт!
– Кстати, фрукт – это лучше, чем овощ.

Свежие, утренние, будто только что выстиранные облака.

Опирается в творчестве нужно на то, что сопротивляется. Кто это ска-
зал? Не помню.

Всякий писатель рано или поздно тонет в чернильном море, которое сам
создал. Это и есть месть профессии. Здесь главное – вовремя замолчать.
Но мало кто на это решится.

Мы смотрим в небо – пусто. Бог смотрит на землю – густо.

В каждом из нас живёт зверь, и смысл нашей жизни – не дать ему про-
снуться.

Что такое детектив? Детектив – это преступление. А преступление – это
философия. А философия – это психология. А психология – это любовь.
А любовь – это преступление. А преступление – это детектив...

Духовную пищу тоже можно отравить.

Тот, кто пасёт ветер, сможет подоить бурю.

Красота – страшная сила. Сила – страшная красота.

Это хорошо, что ты часто бываешь один.

Это плохо, что ты одинок.

Начинается июльский ливень. В небе страшный раскат грома, как будто Бог упал, поскользнувшись на падших ангелах...

Когда одни говорят одно, другие другое, я слушаю, о чём молчат третьи.

Он горел на работе так, что постоянно отравлял коллег продуктами своего горения.

Хорошо то, что хорошо кончается. А хорошо кончается только то, чего бесконечно много.

Уходя из жизни, он хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка с лиц оставшихся.

Он подошёл ко мне и вежливо попросил спички. Я отдал ему весь коробок.

С виду интеллигентный человек.

Кто ж знал, что его зовут Герострат?!

Сегодня долго искал себя в толпе. У кого ни спрошу – никто не видел.

«Режьте, режьте меня на части!» – кричал праздничный торт.

Искусство должно постоянно преодолевать в себе искусство.

– А ты всё ждёшь знака свыше?

– Нет, теперь уже знака *сниже*.

Мы все приходим в этот мир со смертным приговором, и всю жизнь пытаемся разгадать тайну своего преступления.

Время – деньги? Время – фальшивые деньги. На них всё равно не купишь бессмертия.

Не нужно бояться иностранных слов. То, что язык не переварит – он выплюнет.

Поэт Константин Бальмонт, заполняя в какой-то провинциальной гостинице анкету жильца, в графе «Род занятий» написал: «Только любовь!»

У поэтов-шестидесятников был оглушительный успех. Так потом они всю жизнь и проходили – оглохшими.

Гении рождаются в провинции, а умирают в столице... Поэтому в провинции гениев нет.

Ищите юные, я много потерял!

Содержание

В. Токмаков. «Над пропастью с берёзовым соком в руке».
Импровизация на заданную тему.....3

ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ5

Штрафной батальон.....	6
«Рядовых хоронят скромно...».....	7
«Когда я думаю о вечном...».....	8
Вниз по проспекту.....	8
Литургия оглашенных.....	9
Чужак.....	10
«Счастливые, лежим на солнцепёке...».....	11
«Пахнет скошенной травой...».....	12
«Кузнечик прыгает в окно...».....	12
Возвращение Одиссея.....	13
«Где-то орёт дурниной...».....	14
Сон в летний день.....	14
Каникулы в Санкт-Петербурге.....	15
Стихотворение с эпиграфами.....	17
«Летом небо шершавое, звёздное...».....	18
«Продолжим прерванный полёт...».....	19
«Продавец воздушных шариков...».....	19
Территория.....	20
«Слишком много боли, слишком много...».....	21
«Я вижу дом, а дом меня не видит...».....	21
«За булочной, у городского парка...».....	21
ЧП.....	22
Твёрдый знак.....	23
На Новомихайловском.....	23
Работа над ошибками.....	24
«... У неё хорошая память...».....	25
«Собирается дождь над городом...».....	26
«Люблю читать зачёркнутые строчки...».....	27
«Человек подводит итоги...».....	28
«Будет ливень, всё замерло чутко...».....	29
«Мороз покрасил белой краской...».....	29
«В зелёном пламени июля...».....	30
Прибалтийские дюны.....	31

Барнальская зима	32
«Бывает так, в начале жизни...»	33
«Зачем-то выкинул свои черновики...»	33
Курильские острова	34
«Старый дом готовится к сносу...»	35
«По приречным переулкам...»	36
Сонет в конце лета	37
Сонет о душе	38
Сонет о зрелости	38
Эпитафия	39
«Я всё забыл – и вспомнил жизнь другую...»	39
Литера	40
Неспокойной вам ночи!	41
Советы бывалого	41
«Рыжее с усами солнце...»	42
Последний стакан	43
«Просто живёшь, как плывёшь...»	44
«От меня до небес – расстояние в целого Бога...»	44
Путь	45
«Я хотел бы родиться в начале века...»	46
«Провинция стоит на трёх китах...»	47
Неправильные стихи	48
«Молодёжи во все времена было нечего терять...»	49
«Между мной и амальгамой...»	50
С корабля на корабль	50
Бродяга	51
Осенняя элегия	52
«На Достоевском сидит стрекоза...»	52
Творчество	53
«Больница для психов в Москве, на Полянке...»	53
1919	55
«Полгода сибирская длинная ночь...»	56
Романс	57
«Трубы, заводы, хрущёвки, мосты...»	57
Дворовая история. 1949-й	58
Случай	58
«Пролетая над гнездом кукушки...»	59
«Ничего не получается...»	59
«Бабье лето, божьи коровки...»	60
«Садись ко мне на спину, дорогая...»	61

«Постучался дикий страх...».....	61
«Есть странное чувство, что кто-то...».....	62
Стансы.....	62
«Снег шёл весь день и, наконец, пришёл...»	63
Потерянный герой.....	63
Провокация.....	64
«...Наверное, лет десять, а потом...».....	66
Окраина.....	66
«Она открыта для всех...».....	67
«...Я подохну в России, с её несчастливым народом...»	68
Колобок.....	68
Баба-яга.....	69
Две тишины.....	69
«Когда меня совсем не будет...».....	70
Дело о многоэтажном сердце.....	70
Скука смертная.....	71
Осеннее.....	73
К Музам.....	74
Несчастливая любовь Лёхи Барабанова.....	75
«Подарил отец пиджак...»	76
«Поздняя осень. На улицах лужи...»	77
Преданная дружба.....	77
Сон.....	78
«Снег падает навзничь, как пьяный в постель, не раздевшись...»	78
«Вон там начинается частный сектор...»	79
«...И воды набравши в рот...».....	80
«На рельсах забвения...».....	81
«Всё чаще душа покидает тело...».....	81
Небожители в общежитии.....	81
«Огонь горит, как будто не огонь...».....	82
«На самом дне...»	82
«Друзья уходят, оставляя после себя воронку...».....	84
«Повтори её имя сто раз – и имя исчезнет...».....	84
«И вот приходит некто в чёрном...»	85
«Какой-то таинственный плотник сегодня...»	86
«Если верить кондуктору, скоро конец пути...»	87
«Город был для ливня мал...».....	88
Пушкинский цилиндр.....	88
<i>Кафе «Столо Пегаса». Год 1922</i>	88
<i>«Игра в классики»</i>	89

ПОМИДОРНОЕ СОЛНЦЕ СВОБОДЫ91

«Москва слезам не верит...».....	92
«сегодня утро будет громким...».....	92
«мой дерзкий друг...».....	93
О первых и последних.....	93
Покинутое жителями воскресенье.....	94
Дело Линь Бяо.....	94
«на каменных полотнах стонет ангел...».....	96
Реквием.....	97
«разбив стекло в окне медузы...».....	98
Бунтарь на пенсии.....	99
«В рифму писать...».....	99
«Целый день...».....	99
Чёрные стихи о светлом.....	100
«Маленькая девочка...».....	101
«Когда в деревне...».....	102
«Они растворились друг в друге...».....	102
«Листопад закончился...».....	103
«Малая родина...».....	103
«Шерлок Холмс...».....	103
«последний одуванчик...».....	104
Памяти Э. Э. К.....	104
«балалайка – русское хокку...».....	105
Деревянный верлибр.....	105
«Бог с тобой...».....	105
«теряю друзей ключи зонтики...».....	105
«Падает снег...».....	106
«Задумайтесь...».....	106
Поколения.....	106
«Если к святыне...».....	107
«Я спал на Бунине...».....	107
«Вчера позвонил Господь...».....	109
В музее потерянного времени.....	109
«В парке на лавочке...».....	110
«Полночь...».....	110
«Она гуляет с тучкой на ниточке...».....	110
«Пылает в моей памяти...».....	111
«Лето стремительно...».....	111
Очередь.....	111

Детские игры	112
«Раздавленный пёс...»	113
«Поэзия должна быть краеугольным камнем...»	113
«Зима на планете...»	114
Ключи от поля	114
Несчастный случай	115
«где-то в далёком царстве небесном...»	115
Музыкальная сказка	116
Отрывок	116
Избранное	117
«Всю ночь поёт сверчок...»	118
«Темно...»	118
Третья речка	118
«иногда поэзия чтобы выжить...»	120
«красивая бабочка...»	120
«открыл грецкий орех...»	120
«Тихий океан, песчаные часы...»	121
«стучится моё верхнее сердце...»	121
«Фома Неверов...»	121
«мы ангелы внутреннего сгорания...»	121
День и ночь влюблённых	122
«жена не узнала меня...»	122
«Осенний ветер...»	122
«Земля – где тепло только червям...»	122
«Люди – всего лишь...»	123
Ссора	123
«бомж умер сегодня утром...»	123
«Конец октября, ветрено...»	124
«а любовь...»	124
«Если коней...»	124
«кризис среднего возраста...»	125
«люди пошли к Богу...»	125
«Я на неё махнул рукой...»	125
Памяти Акутагавы	125
«ржавые рельсы...»	125
«бабка везёт за город помидорную рассаду...»	126
«Летят гуси...»	127
«люди сто лет назад...»	127
«Скромная могила...»	128
Вторая мировая	128

«Вышел на балкон...».....	129
«Настенная карта мира...»	129
Поздний ужин. Диктатура.....	129
«Дошёл до ручки...».....	129
Дурацкая любовь.....	130
Детство.....	131
«Если бы Бог...».....	131
«Познать истинную...».....	132
«Господи и даже если я...»	132
Издержки эмансипации	133
«Как Бог по воде...».....	133
«В эпоху Сражающихся царств...»	133
Обыкновенный буддизм	134
«в магазине осенним ненастным днём...»	134
«Облака на небе...».....	135
«я часто перегибаю палку...»	135
«Она летает по небу голая...».....	135
«время перемен...»	137
«настежь открытый человек...»	137
«Самсон убил тысячу филистимлян...»	138
«дождь шумит за окном...».....	138
«Кантемир писал в стол...».....	139
«Конец света...»	139
О том, что нас спасает	140
Наше время.....	140
Одиночная камера	142
«Мне снилось, что я стал кинотеатром...».....	143
Поэзия	144
Сверчок	146
Коротко о главном. <i>Одностишья</i>	147
Дневник провинциального поэта	149

Владимир Токмаков

**АНГЕЛ, СВРАЧИВАЮЩИЙ НЕБО,
ВДРУГ ОГЛЯНУЛСЯ**

Избранные стихотворения

Оформление

А. Карпов

Корректор

Е. Гончарова

Подписано в печать 25.07.2022 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 1467.

Отпечатано в ООО «ИПП «Алтай»:
656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 104